

Номинация «Поэзия»

Саломатина Елизавета

МИР НОЧЬЮ.

Ночью мир, как будто в дивной сказке
Околдован сонной тишиной,
Мутные расплывчатые краски
Озаряются туманною луной.

В небесах сияющие звезды,
Как застывший в воздухе салют:
Тихо светят в полумраке гроздь
Желтых фонарей, глядящих в пруд.

И во мгле безмолвной летней ночи
Чуть колышутся прозрачные листы
Тополей. Вокруг красиво очень,
Словно в сказке сбывшейся мечты!

Небо затянулось шелком синим,
Перламутром отликает горизонт,
Словно призраки, березки и осины
Погрузились в непробудный сон...

...Лунным кружевом окутаны долины,
Звездным жемчугом осыпаны леса,
И порхают, словно балерины,
Легкие кометы в небесах!

ВИННИ-ПУХ

Мишка, мишка Винни-Пух!

У него отличный нюх.

Если пчёлка зажужжит,

Мишка вслед за ней бежит.

Он по запаху найдёт

Свой любимый сладкий мёд!

СНЕГОВИК

Все дороги замело,

И на улице темно.

Снеговик один стоит,

На блестящий снег глядит.

И красив он, и пригож,

На царя чуть-чуть похож.

Ведро сдвинул набекрень

И стоит так целый день!

Ночью бродит тут и там,

И глядит по сторонам.

Панков Кирилл

Друг каждому нужен

Считаю, что друг каждому нужен.

Если ты слаб или простужен...

Друг защитит, подбодрит, навестит.

Друг он надёжный и стойкий, как щит.

С другом всегда сродни интересы:

Спорт или книги, хобби и песни.

Шутки, прогулки, звёзды, планеты-
Всё на двоих, даже конфеты.

Другу смогу всё на свете отдать.
Но не контрольную, чтобы списать.
«Медвежью» лукавую эту услугу
Не надо оказывать лучшему другу.

Если по-дружески хочешь помочь,
То вместе уроки учить ты не прочь.
Лишь тот себя другом может назвать,
Кто друга и дружбу готов уважать!

Карпова Диана

Спасибо за Победу!

- Дедушка, ты расскажи, как воевал?

И что же в этой жизни повидал?

Куда тебя забросила судьба?

И в этом виновата лишь война...

По свету ты поездил-побродил,

А ведь совсем ещё мальчишкой был.

Я знаю, что досталось вам тогда,

И выпала такая вам судьба.

И дед любимой внучке отвечал:

- Я много в этой жизни повидал,

Не думали с друзьями мы тогда,

Что ждут медали нас и ордена.

Я воевал за мать и за отца,

За землю русскую стояли до конца.

Но я горжусь, что смело воевал

И Родину свою я защищал.

Для нас же было всё вокруг родное:

Та речка, лес и поле то ржаное.
В бою свои мы жизни не жалели,
А после боя даже песни пели.
И Родина была на всех одна:
Будь то Россия, Беларусь, Чечня.
- Мой дедушка, любимый, дорогой!
Люблю тебя, всегда горжусь тобой.
Благодарю, что рисковал собой,
Вся жизнь твоя – один великий бой!
Благодарю, что жизни не жалел.
Все муки в страшную войну стерпел.
За всё тебя, родной, благодарю,
Спасибо за Победу говорю!

Стихотворение для песни «Мы».

Золкина Ольга

1 куплет:

Мы шли в авангарде упущенных дней,
Углами стирая строку.
По курсу огни маяков – фонарей,
Дадим волю песен штыку.
Но призрачен луч отдалённых светил,
В руке задрожал чёрный стяг.
Стремглав на страховке с небесных стропил
Сошли в катакомбы глотать ром из фляг.

Припев:

Мы знамя ключа поднимали к звезде,
Спалили его на свечах.
Чертили сплочённость на дырявом холсте,
Лучины считали в речах.
Мы пели свои серенады луне,
Увёл нас к Аиду гудрон.

Портрет белой пешки на разбитой стене

Отныне наш идол, наш камертон.

2 куплет:

Низринули с плеч нам приевшийся крест,

Овсом заменили друзей.

Слова позабыли, один манифест –

Основа сервизных речей.

Огнём сладкой спички подсветим нутро,

Наш воск потечёт с углов плеч.

Шеренгой сомнамбул шагаем в метро,

Чтоб старости сдать заржавевший свой меч.

Припев:

Мы знамя ключа поднимали к звезде,

Спалили его на свечах.

Чертили сплочённость на дырявом холсте,

Лучины считали в речах.

Мы пели свои дифирамбы луне,

Дрожа, стал нейтроном протон.

Портрет белой пешки на надгробной плите

Отныне наш идол, наш камертон.

Кутепова Жанна

У войны две памятные даты

–41 – 45 год!

За Родину сражались русские солдаты,

Их не забудет никогда народ!

И у всех было одно стремленье,

И у всех единый пульса ритм,

И фашистам не было спасенья

В ярых схватках небывалых битв!

Враг в предсмертных судорогах бился,
Шквал разрывов сотрясал Берлин...
Флаг Победы над Рейхстагом взвился,
Над дымящим кладбищем руин!

Отгремел последний залп сражений,
Родина ждала прославленных сынов,
И родные с радостным волнением
Ждали наших дедов и отцов.

Позади все тяготы и беды,
И войны прошедшей ураган.
Я горжусь, что в общую Победу
Лепту внес и прадед мой Иван!

Он дошел с боями до Берлина,
Насмерть бился, Родину любя,
Ранен был, когда рванула мина,
И от смерти ангел спас или броня.

Подвиг их, как яркое созвездье
Не померкнет в памяти людской,
Всем погибшим вечное бессмертье!
Кто прошел войну – уже герой!

У ветеранов ноют раны от сражений,
В мир иной уходят Родины сыны,
И задача наших поколений
Сделать так, чтоб не было войны!

«Сто слов о войне»

Вальс. Выпускной.

Поцелуй в первый раз.

Звезды. Рассвет.

11- й класс.

Двадцать второе.

Четыре утра.

Вдруг Левитан!

Неужели война?

Поезд. Причал.

Мать. Слезы. Крик.

Парень безусый

Теперь фронтовик.

Ремень. Гимнастерка.

Фронт. Автомат.

В сердце присяга:

"Ни шагу назад"

Немцы. Фашисты.

Выстрел. Попал!

Гильза упала

На землю, к ногам.

Первая рана.

Больница. Живой...

Снова на фронт.

Снова полк мой родной.

Голод. Разруха.
Блокада. Беда.
Воспоминания.
Дом. Красота.
Год сорок пятый.
Победа! Весна!
Поезд. Домой.
Мать сидит у окна.
Радость. Вновь слезы.
Голос родной.
Мама не верит:
"Сынок! Ты живой!.."
Семьдесят пять лет
Прошло с той поры.
Мы будем помнить
Цену войны...

Роговцева Кристина

Никогда не смотри в глаза,
ты не встретишь в них мирного неба,
никогда не смотри туда,
где бы ты никогда и не был.
Разговаривай с тишиной,
собирай свои милые кости,
ну а если совсем плохой,
то и смерть к вам заглянет в гости.
Заведи себе паука,
пускай он плетёт паутину,

но не смей ты смотреть в глаза,
что упорно стреляют в спину.

Ты не думаешь ни о чём,
ты не хочешь даже поверить,
что при взгляде всего одним
твоё сердце ляжет на мЕли.

Взгляд тех глаз унесёт в океан,
где погибли сотни матросов.

Никогда не смотри в глаза,
никогда не кури папиросы.

В них при шторме легко убиться,
потеряться и сбиться с пути.

В те глаза так легко влюбиться,
те глаза так и просят любви.

Океаны полны туманов,
в небесах там всегда облака.

Ну а люди полны обманов,
говорят, что с тобой на века.

Ты не верь этим странным людям
и запомни, мой друг, одно:

никогда не смотри в глаза ты,
даже если тебе темно.

Вся любовь – это странная химия,
что родится в твоей груди.

Никогда не смотри в глаза ты,
никогда не пиши стихи.

Никогда не мечтай о чуде;
все, кто верили в чудеса,
потонули на ржавом блюде,
лишь однажды взглянув в глаза.

Ты умнее, я точно знаю,
ты не станешь одним из них.

Но тогда почему, скажи мне,
ты сейчас головой поник?

Ты уже ведь взглянул когда-то,

потонул и пошёл на дно.
Потеряли ещё солдата...
Потеряли! И всё равно
я скажу тебе, друг, по секрету:
никогда не смотри в глаза.
Ты останешься в жарком лете,
а оттуда, увы, нельзя.
Никогда, я прошу, не слушай,
даже если тебе твердят,
что подарят весь мир и душу.
Ты не смей поднимать свой взгляд!

Челышева Александра

***

Увядает цветок на зелёном лугу,
Обещай мне не плакать, когда я уйду.
Что не будешь жалеть ни о чем, обещай,
Я хочу, уходя, за окном видеть май.

Видеть птиц и небес углублённую синь,
Напоследок тяжёлые шторы раздвинь!
Чтобы солнце лучом пробежало в углу,
Продолжай улыбаться, когда я уйду.

Хватит слез и печали! Достаточно их,
Я хочу, чтоб последним остался мой стих.
Чтоб гремела строка, затмевала беду:
"Навсегда остаюсь, даже если уйду!"

Номинация «Проза»

Дёмышева Аделина

Мне было двенадцать

Победа. Какое красивое, звонкое слово. Как мы все её ждали! Голодные, измождённые работой, мы почти четыре года мечтали о Победе, ждали и верили, что этот день придёт. И день пришёл. Но День Победы не был праздником, как сегодня. Все без исключения плакали. Ниточка жизни была натянута настолько тонко, что принесённое Победой облегчение подкосило наши ноги, глубокий выдох унёс последние силы, и я, упав на колени, долго плакала без слёз. Не было слёз. Не было сил радоваться и кричать. Как спортсмен-тяжелоатлет, долго державший штангу, чтобы зафиксировали его рекорд, бросает её без сил, так и я была оторванным осенним листочком, который от сильного порыва ветра планирует вниз от державшей его веточки, и падает на холодную землю, не имея сил и возможности прикрепиться обратно.

Мне двенадцать. Лучшее время. Мы живём большим двором. Мама очень шустрая: и в колхозе знатная скотница, и дома управляется с хозяйством быстро и ловко. Дом – полная чаша. Всегда с мясом и молоком садимся за стол. Семья крепкая, дружная. Нас, детей, трое. Старшая сестра, Лидия, наравне с мамой уже работает в колхозе. Младший брат Иван - главный помощник отца. Упряжь ли лошади изготовить, подковать ли, даже самую строптивую, сани ли с телегой новые поставить - всему отец с ранних лет научил. А я с малых лет птичницей была.

Война. Страшное слово. Как среди такой спокойной деревенской жизни его можно услышать? Мама всегда первая певунья была, да и плясать мастерица. А тут враз замолчала. Не было разговоров у них с отцом. Всё молча, хмуро. Несвойственно это им. Отец очень бережно, трепетно относился к нам с мамой. А тут молчит. Ивану всё хозяйство пересказал: про ружьё, сенокос, плуги. Оставил отец Ивана вместо себя. Ушёл на фронт первым эшелонам из деревни.

Я только изготовилась чугунок из печи доставать, как в избу вошла мама. Серьёзная. Вместе с ней был председатель нашего колхоза, с какими-то бумагами в руках. Мама фартук крепко мнёт и строго говорит: «Собирайся, доченька, завтра отправляешься в Богданович». Оказалось, что пришла разрядка отправить из деревни девчат и ребят на огнеупорный завод. А деревня наша маленькая, столько человек со всех дворов набрать не смогли. А я была рослая, вот председатель и сказал маме, что, дескать, делать нечего, придётся в справке о рождении пару годков мне прибавить, чтобы выполнила деревня план по мобилизованным на завод. Мама плакала ночью. Мне узел собрала и до сельсовета проводила.

На подводе нас довели до железнодорожного разъезда, это километров двадцать, и посадили в товарный поезд. Мы с ребятами мало что понимали тогда. Всё быстро, без подробностей. Поняли, что везут в большой город. В Богдановиче построили на платформе, и шагом марш в заводоуправление. Бригадир быстро нас распределил кого куда. Я попала в столярный цех. И потянулись дни. Шла война. И я со всеми в тылу ковала Победу, как тогда говорили, одну, далёкую, общую. Работа, голод, холод и работа.

Богдановичский огнеупорный завод производил кирпичи для доменных печей. Я работала столяром. Строгала, распиливала доски, колотила ящики и поддоны для готовой продукции. Работали по двенадцать часов. Бригадир была строгая, но справедливая. Не давала возможности отдохнуть, но и обидеть нашу бригаду никто не мог. Сколько я разгрузила вагонов с досками, тяжёлыми, сырыми! Сколько ящиков с гвоздями вытаскали мои руки! Первый ящик казался абсолютно неподъёмным. Хотелось сесть на пол этого огромного холодного цеха и, закрыв лицо руками, заплакать. Бригадир сказала, что, если хочу жить и вернуться к маме, надо настроиться на работу, приноравливаться ко всему. И я приноровилась. Работала на деревоперерабатывающих станках, распуская толстые доски. Распиливала вручную обычной ножовкой. Сколачивала огромные ящики. Руки в занозах, избитые и ноющие от тяжести.

О чём я думала тогда? О хлебе! Чувство голода было постоянным. Я забыла, что такое наесться от пуза. Раньше напёешься молока с горячим хлебом, залезешь на истопленную печь и невмоготу захочется спать. Спокойно в избе, пахнет молоком от одежды мамы и лесом от отца, шаньгами, что томятся в печи и свежесделанной кожей от уздечки, что кроит брат. Сейчас же хлеб жёсткий, без запаха, как из опилок. Похлёбка пустая, всегда одинаково пресная. Заводская столовая заполнена полностью: нет ни одной свободной скамьи. Ты заходишь и думаешь, как бы не съели твою порцию, столько людей ест, значит, вкусно... Но алюминиевая миска наполнена баландой, а хлеб холодный, плотный и тягучий, как строительный клейстер. Мама рассказывала, что колхоз отдавал на фронт всё до последнего зёрнышка. Всё для фронта, всё для Победы, а нам, девчонкам на заводе, хлеб из опилок.

Но хуже голода был холод. В горячем цехе было по-настоящему горячо от работы и от температуры печей. Наши же огромные столярные мастерские были холодные, промерзшие напроць, звенящие от холода бетонные стены и дощатые полы. Более всего мёрзли ноги в башмаках из кожзама на деревянной подошве. В голове постоянно колокольным набатом били воспоминания о родной деревне и тёплых валенках. Холод был всюду: в бараках, спешно сколоченных, в столярных цехах, на улице.

Мама. Как же хотелось к маме! Домой, в родную деревню, где тепло и шаньги в печи. Выходной был раз в три месяца, кроме лета. С трепетом я ждала этого заветного дня и мысленно переносилась на крышу товарного вагона, уносящего меня в родную сторону. Ездить приходилось тайком, на крыше вагонов, так как денег на проезд не было. Восемьдесят километров, и я спрыгивала на Пышминском разъезде, станция Оксариха. Дальше двадцать километров пешком через лес. Темно. Страшно. Бежишь, не помня себя. Домой. Поскорее. К маме. Печка горячая. Ночка у мамы, и тем же маршрутом обратно на завод.

Однажды я опоздала. Задержали поезд. Я вся тряслась на ледяном ветру в ожидании состава. Тряслась от холода и страха. Наказание за опоздание было суровое. Я помнила все угрозы и ответственность, доводимые до нас на собраниях. Дисциплина в первую очередь. Я её нарушила. И понесла наказание: два года исправительных работ. И это ещё повезло! Девчонок вызывали к парторгу и больше мы их не видели. За любую провинность – лагерь. Спасибо бригадиру, она спасла меня, сказав, что я была на заводе, в уборной, живот прихватило, поручилась за меня. Так в 14 лет я получила судимость, которая осталась в моём личном деле навсегда.

Партийная работа проводилась постоянно и активно. Нас собирали в «красном уголке» и пламенной речью призывали приближать Победу своим трудом. Мы, голодные, с изуродованными от тяжёлой работы детскими руками, внутренне холодели. Что ещё мы можем сделать? В нас кувалдой вколачивали стыд за слабости, неумение пренебречь личным. Было сложно. По сегодняшним меркам невозможно.

Раз в месяц был выходной, когда можно было сходить в баню, постираться и даже погулять. Но главное нужно было сдать нормативы по гражданской обороне. Мы с девчонками прыгали в окопы, кидали гранаты, делали перевязки друг другу и учили технические характеристики различного вооружения. Казалось бы, весело. Есть возможность порезвиться-побегать, ведь подростки, энергия через край. Но не было энергии. Этот выходной все ждали и боялись его. Нормативы ГО нужно выполнить любой ценой. За отклонение - наказание. Именно в период войны я научилась бояться. В детстве, в деревне, бояться было нечего. Дом, семья, хозяйство. Всё было так естественно и радостно. Живёшь и даже не задумываешься, много ли ты прожил и думаешь: так будет и дальше. А сейчас, на заводе, во время войны, пережить каждый день было подвигом. Главное: не умереть с голода, не замёрзнуть и выполнить план.

Первый год был самым сложным, и я мысленно молилась, чтобы дожить до весны. Дожила. А в конце весны объявили мобилизацию в колхоз. Эту новость я узнала от старшей нашего звена. Обрадовалась. Если возьмут, не умру с голода. Но не посмела проявить

инициативу. Всё строго, и даже мыслить нужно по команде. И команда поступила. Бригадир пришла в цех и сказала, что Земова с завтрашнего дня уезжает на работу в Ильинское. Какой же она была Человек! Несмотря на войну, знала про каждую из нас, откуда приехали, чем занимались до войны. Наверно, благодаря лету в колхозе я и выжила в эту долгую войну.

До октября мы приписывались на работу в колхоз «Путь Ильича» села Ильинское. Наша задача - вырастить продукты для завода. И будет ли мука для хлеба и мясо для супа в заводской столовой, зависит от нас восьмерых. Несмотря на двенадцатичасовую смену, на подводу я запрыгнула с лёгкостью. Запахло домом: сено, лошадь, лес - все, что я так любила до войны. Вёз нас маленький сухой и постоянно кашляющий старичок. Мы с девочками молча переглядывались, думая об одном и том же, не смея сказать ни слова. Животы свело от голода, а из-под рогожи веял знакомый запах. Его не перепутать ни с чем. Запах хлеба. Мы выехали на лесную дорогу, и старик заговорил:

- Не ели, небось? Натё вот, буханка утрешняя.

Мы, как дикие кошки, стали разрывать эту булку и запихивать в рот. Старик закричал:

- А ну, тише, оглоеды, так я вас живых не доведу, помрете от заворот кишок. Исти надобно потише.

Работать пришлось больше, чем на заводе, но работа была по душе. Всё знакомо, руки помнили, соскучились по хозяйству. Я кормила птицу, доила коров, убирала на скотном дворе. Покос, уборочная, копка картошки. Всё делали женщины и их дети. Мы ворочали фляги с молоком, грузили мешки с картошкой и зерном. Падали после работы, не помня себя от усталости. Но был лес с ягодами, много съедобной травы и, главное, молоко с хлебом. В деревне мы отъелись. Внешне, конечно, были такие же худые, с вечно голодными глазами, но в деревне постоянно есть возможность что-то засунуть в рот. Об этом мы потом мечтали, продолжая работу на заводе.

Вторая зима войны была легче. Работали так же: постоянно увеличивали планы, ужесточали дисциплину. Привыкли к войне, к жизни в нечеловеческих условиях. В бараке, где мы жили, постоянно кто-то умирал. В деревне всегда есть заветный мешочек в чулане с заготовленными травами и корешками. Их отвары знатно помогали. На заводе работаешь в любом состоянии, пока не потеряешь сознание от горячки. Лечить было нечем и некому. Девчонки умирали. Меня, наверное, спасло лето, проведённое в деревне, колхозе. Так я дожила до победы.

Нас собрали в «красном уголке». Спешно. Мы, съёжившись, ожидали очередную пропаганду о том, что стране нужен наш героический труд и выполнение сверхплана. Но нам сказали, что война закончилась, мы победили. Все зарыдали в один голос. Именно

зарыдали. Истерика, плач, рукавами вытирали лицо. Будто струна, которая была натянута нарочно сильно, порвалась. Силы закончились. Работа на протяжении бесконечных четырёх лет сломила всех, каждую из нас.

Мы ждали эту победу. Очень ждали. Работали, голодали, мёрзли и работали. Для нас победа - это слёзы, боль, страдания.

Я начала болеть очень рано. Суставы, простуженные на заводе, спина, надорванная тяжестями, руки с деформированными пальцами не дали мне жить здоровым счастливым человеком.

Каждый день победы я молчу и мысленно молюсь, чтобы подобного не повторилось. Но это не праздник, а день траура, день скорби по каждой сломанной и загубленной жизни. Мне было двенадцать, до войны я была счастливым ребенком.

Дети войны...

2020 год – год Памяти и Славы! 9 мая мы будем отмечать 75 лет со дня Великой Победы! Вся страна готовится к этому великому событию. И наша школа, и наш класс, и я...

Великая Отечественная война! Война и дети... Мне кажется, что эти два слова не могут стоять рядом.

14 марта в моей школе проходил конкурс хоровых коллективов « О той войне...». Для выступления мы выбрали песню Ильи Резника «Дети войны», подготовили инсценировку, продумали и подобрали костюмы.

Остались в прошлом великие и страшные события Великой Отечественной войны. Но память о них жива и сегодня. Мы – внуки и правнуки– будем вечно хранить память о тех, кого опалила война. Это не только солдаты, их матери и жены, но и дети. И детям пришлось пережить страшные времена! Кто-то из них оказался в оккупации и стал свидетелем зверств фашистов, кто-то был в тылу и работал наравне со взрослыми, а кто-то... воевал. ДЕТИ были лишены светлого, беззаботного детства и мирного неба над головой!

Поколение детей войны – это наши бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки.

Песню мы выбирали сами, нам было понятно, что и как надо исполнять. Слова почти все ребята в классе выучили очень быстро!

Дети войны... Сегодня мы часто слышим эти два слова, но понимаем ли, о ком именно идет речь? Я понимаю! Понимаю, потому что мои бабушка и дедушки были детьми, когда началась война. В нашей семье их воспоминания передаются из поколения в поколение! Из них я узнала о том, что было...Эти воспоминания моей бабушки Богдановой Зинаиды Ивановны и дедушки Чуланова Владимира Ивановича сегодня берегу и я.

Мы внимательно следили за выступлениями других классов, смотрели на парадную форму: белые рубашки и блузки. Некоторые девочки выступали в красивых платьях, этот образ, конечно, подходил к их песне. А пока мы ждали своей очереди...

В 1941 году моей бабушке было всего 5 лет, а дедушке 8 лет. Они жили в небольшом городе Родники за 180 километров от Москвы, в тылу. Их родители работали на заводе в две смены.

ВОЙНА... Лишения! Холод! Слезы бессилия! Страдания! Боль! Голод! Голодали все. Во время войны продукты выдавали по карточкам: 300 граммов черного хлеба давали детям, 400 граммов – старикам, женщинам и работающим – 500, а военным – 600.

Спасал от голода – огород, именно тогда и на всю оставшуюся жизнь бабушка с дедушкой запомнили вкус хлеба с примесью лебеды, чай из сушеной моркови, вместо конфет – печеную свеклу (паренки, как их называл). Все очень ждали лета, потому что именно тогда появлялись ягоды, грибы, трава. Но...самой сладкой мечтой для всех детей была... горбушка свежего хлеба!

С 12 лет всех учащихся отправляли на работы в колхоз. Дети работали, но не переставали учиться.

Дети ходили в школу в две смены, учились, уроки делали при керосиновой лампе, потому что электроэнергии не было, выполняли домашнюю работу на листочках, тетради выдавались только для контрольных работ, в каждом классе были печки, которые топили сами дети, за хворостом они ездили в лес.

И вот объявляют нас. Мы вышли на сцену под звуки метронома. На нас была не парадная форма. Мы выглядели так, как дети войны. О том, как выглядели дети войны, мы знаем по фотографиям военных лет, кинохроникам и фильмам. Я пела: «Дети

войны... Смотрят в небо глаза воспалённые. Дети войны...в сердце маленьком горе бездонное, в сердце, словно отчаянный гром, неумолчный гремит метроном, неумолчный гремит метроном...». Я пела и испытывала чувство страха, обиды, тоски и отчаяния.

В 1941 году другому моему дедушке Богданову Владимиру Андреевичу было 8 лет, он с семьей жил в Курской области.

В его памяти отрывки из того страшного времени остались очень яркими. Он неохотно рассказывал о том страшном прошлом. Но эти отрывочные фразы я помню: «Немцы захватили город, приехали на мотоциклах...». У дедушки еще было два маленьких братика четырёх и двух лет, две сестры десяти и четырнадцати лет. Немцы пошли по домам, выгнали все население на площадь. Зачитывали указы о новых правилах жизни, обещали награды за выдачу партизан, призывали помогать им. Население города состояло из женщин и детей.

Немцы расселились в домах, из некоторых выгнав жителей совсем, в некоторых заняв одну половину.

Дедушка помнил офицера в очках, с несколькими немцами он жил в одной половине их дома, а дедушка с семьей - в другой. Фашисты забрали из дедушкиной половины дома всё, есть было нечего. Чтобы как-то прокормиться, дети ходили на колхозное поле, искали там гнилую картошку, из которой варили похлёбку, но, как только об этом узнали немцы, поле заминировали, его стали обстреливать.

Однажды во время обстрела дедушку осколком ранило в голову, он потерял много крови, его с трудом выходили родные. Двух сестер дедушки немцы угнали на работы в Германию, после победы вернулась только одна.

Когда мы пели песню, я видела, что нас слушали внимательно, а у некоторых зрителей по щекам текли слёзы. Как и мои одноклассники, я пела: «Дети войны... Набивались в теплушки открытые. Дети войны... Хоронили игрушки убитые. Никогда я забыть не смогу крошки хлеба на белом снегу, крошки хлеба на белом снегу...». Я пела и сама еле сдерживала слёзы, потому что видела в этот момент своего маленького дедушку.

Дедушка не любил вспоминать о том времени и рассказывать о нём...

Когда немцы начали отступать, в последний день подожгли дом, в котором жили, дом, в котором должна была остаться семья моего деда. Мама дедушки стояла, смотрела на огонь, и у неё ни слезинки не было. А братья бегали и кричали: «Домик, не гори! Домик, не гори!». Вынести из дома ничего не успели....

Когда я об этом слушала, то поняла, что такое ненависть к врагу. А ещё... жалость к тем, кого лишили дома, детства, счастья.

Все ребята «прожили» во время выступления жизнью детей войны.

А мы продолжали петь: « Вихрем огненным, чёрным вороном налетела нежданно беда, разбросала нас во все стороны, с детством нас разлучив навсегда». Я пела и проживала минуты ужаса и страха, боли и отчаяния, потому что видела всё, о чём пела глазами своего дедушки.

Я имею представление о детях войны, опираясь только на книги и фильмы, а ещё... на семейные рассказы. Я поняла, что они обладали, пожалуй, лучшими человеческими качествами. Иногда мне кажется, что это перенесенные ими горести делали их взрослыми, серьёзными, сильными, непреклонными и в то же время чуткими, добрыми и отзывчивыми. Они не разучились радоваться жизни. Именно такими я помню своих бабушку и дедушек.

Поэтому, наверное, трудно не согласиться с тем, что поколение детей, живших во время войны, само по себе уникально.

А мы заканчивали своё выступление и громко пели: «Дети войны, стали собственной памяти старше мы. Наши сыны этой страшной войны не выдавшие, пусть счастливыми будут людьми. Мир их дому! Да сбудется мир! Мир их дому! Да сбудется мир!»

Дети войны! Я помню о вас! С этой памятью живу! Я благодарна победителям за голубое небо над головой, за безоблачное детство. Оно у меня есть!

История победы нашей страны живёт в каждом человеке, знать и помнить её – наш долг!

Дерево желаний

В этом селе на берегу реки живет одна женщина. С немного грустными глазами, застенчивой улыбкой, всегда приветливая и отзывчивая. Ее волосы уже седые, но голос у нее добрый, а сердце горячее. Ее зовут Нея. Также как и ту речку, на берегу которой она живет. Такое редкое имя для нашего края и даже страны. Когда-то ее папа и мама, встретившись, полюбили друг друга и решили никогда больше не расставаться, а дочку назвали Нея, что значит цветущая, молодая, зеленая. Такой и была жизнь маленькой Неи – веселой, счастливой, каждый день – открытие, радость. Пока.....

Это воскресенье Нея никогда не забудет. Дома все молчали, мама плакала, а папа собрал вещи в рюкзак, обнял своих любимых крепко-крепко, поцеловал...Больше Нея своего отца не видела. Война! Это чудовище ворвалось в каждый дом. И в селе остались одни женщины и дети. Они работали в поле, вязали носки для тех, кто защищал их и Родину. От папы у Неи остались только два треугольничка. Оттуда, с фронта. «Бью гадов....люблю вас...берегите себя...Победа будет за нами!». Нея с мамой долго ждали писем, потом и самого, никогда не думали, что его нет....Вон в соседнем селе пришла похоронка, а он приехал...без ног, но живой. Родной! Так и ждали год за годом.

А потом не стало и мамы. И Нея осталась одна. До войны село было большим, парней и девчонок молодых много! Но война, подлая, убила мальчишек и девчонок, и дворы стали тихими, до жути безголосыми.

Шли десятилетия. К Нее прибегали сельские ребяташки, и она любила рассказывать им сказки, а те, вырастая, рассказывали их своим детям. Село менялось. Оно вновь стадо веселым, цветущим, наполненным счастьем. И сердце бабушки Неи было переполнено любовью к родному селу, к мальчишкам и девчонкам, бегавшим по сельской улице и не знавшим, что такое война.

Однажды ночью Нея проснулась, подошла к окну. В тишине стрекотали сверчки, речка спала, а березка под окном протягивала к ней свои руки и шептала: «Желания...хорошие желания....у человека должны быть хорошие желания!»

Утром к Нее прибежали соседские мальчишки, пожелали ей доброго утра. А она рассказала им новую сказку о Яблоньке....которая поможет исполнить желание, но только такое, которое хорошее. «А где же у вас яблонька? – спросили дети.

В этот же день мальчишки посадили во дворе у Неи яблоньку. Маленькую.....Как она цвела каждый год! Как радовала односельчан!

И через пять лет сказка Неи стала былью. Придут люди к яблоньке, обнимут ее, слушают, что шепчет деревце. Протянет Яблонька веточку с яблоком человеку, он загадает желание:

чтобы войны проклятой не было, чтобы болезни обходили стороной, чтобы дети смеялись, чтобы дождь пошел, чтобы .....чтобы....

Бабушки Неи уже нет давно. А сказка живет, яблонька цветет, любовь и мир в селе. Все как тогда, до того воскресенья – 22 июня, того страшного дня, который не забудется никогда. Но сегодня село живет уже 75 лет без войны. И все эти годы люди всех сел, деревень, городов - вся страна – говорят СПАСИБО тем, кто победил фашизм и сохранил Русь!

Панков Василий

Вопреки закону

Рассказ

Нико сидел в душном кабинете военной подготовки и пытался слушать учителя, но мысли о будущем отвлекали его.

Уже конец весны. Скоро он поступит в гвардейское училище. Вместо унылого серого костюма Нико наденет крутой мундир с золотыми пуговицами. Больше никаких скучных уроков, только тренировки и стрельбы. Родители будут смотреть на него с гордостью, а мальчишки и девчонки, которым ещё не исполнилось четырнадцать, - с завистью.

Резкий голос учителя прервал мысли Нико:

- А теперь внимание, класс! Приближается выпуск и завтра состоится жеребьёвка. Для поступления в училище вас разобьют на группы по семь человек. После жеребьёвки будет проведён инструктаж. Мы встречаемся с вами сегодня последний раз. Хочу сказать одно: не опозорьтесь!

Нико был уверен, что не опозорится, он лучший среди одноклассников. В его новой группе три девушки и трое парней. Их он тоже опередит, обязательно.

На инструктаже он не видел лиц своих конкурентов, так как сидел позади всех.

- Бойцы! Для ежегодной Зачистки ваша группа отправится на участок 28. Зачистка традиционно состоится в первый понедельник июня. На автобусной остановке быть в 7 утра и не опаздывать. Личных вещей не брать. Всё необходимое получите на месте.

Инструктор сделал паузу, обвёл собравшихся многозначительным взглядом и торжественно продолжил:

- В Народное гвардейское училище отправятся только лучшие из лучших. Поэтому по новым правилам с этого года туда попадёт только один из семёрки, а не двое, как раньше.

Нико замер. Только один? А если не он станет лучшим? Тогда, скорее всего, его отправят на один из многочисленных заводов в Полосе Отчуждения. Говорят, там работают день и ночь, а родители проигравших так стыдятся, что не желают общаться со своими детьми-неудачниками.

Нико почувствовал лёгкий хлопок по плечу.

- Нико, неужели ты? Давненько не виделись!

Парень обернулся: перед ним стоял Сэми, его лучший друг детства, и улыбался во весь рот. Они не виделись года три, с тех пор как родители Сэми переехали. После разлуки Нико так и не обзавёлся новыми друзьями, его с головой поглотила подготовка к поступлению.

- Я вообще не ожидал тебя встретить! Думал, больше не увидимся. А тут - на тебе! - Сэми, как обычно, тараторил без умолку.

- Не пойму, чему тут радоваться, - холодно ответил Нико. - Всё равно через неделю мы снова разойдёмся навсегда. В училище попадёт только один! Ты неожиданно не слышал? И я собираюсь победить.

Он развернулся и пошел к выходу, стараясь не думать о растерянном лице друга.

В понедельник в 11:00 Нико, переодетый в болотно-зелёный комбинезон, стоял во главе шеренги и слушал второй инструктаж:

- Внимание, бойцы! Вы находитесь на участке 28. По всей территории в зданиях разложены экипировка и медикаменты. Правила просты: найдёте - подбирайте, видите врага - стреляйте. Один из вас выйдет победителем в бою и докажет своё бесстрашие и готовность отдать долг Народному Государству.

Заиграл гимн. Ребята вытянулись по струнке, прижав кулак к груди.

- Все живые существа на планете с давних времён подчинялись закону природы "убей или будь убит". Следуя ему, наше Народное Государство достигло расцвета, несмотря на множество врагов и кризис перенаселения. Настала ваша очередь проявить себя!

Инструктор отсалютовал и вышел из зала. Погас свет и раскрылись ярко освещённые двери семи шлюзов. Ребята бросились к ним. Сэми и Нико оказались у одних дверей и вместе шагнули в проём. Ничего не происходило, и Нико вышел из себя:

- В каждую кабину - по одному, ясно?

Сэми пожал плечами и вышел из шлюза.

Двери шлюза закрылись, пол завибрировал. Когда двери открылись снова, Нико увидел заброшенное поселение. Трёхэтажные постройки с выбитыми окнами, воронки от взрывов на дороге. Мальчик побежал к ближайшему дому. Он тщательно обыскал его. Пусто.

Пока Нико обходил три дома, у него не было ничего, кроме фонарика, зато в следующем его ждал приятный сюрприз. На чердаке он нашёл винтовку. Спускаясь по лестнице, парень услышал чьи-то шаги. Нико остановился и прижался к стене. Шаги приближались.

Сообразив, что сейчас он представляет собой отличную мишень, Нико на цыпочках стал подниматься наверх.

- Я не преследую тебя, честно! - раздался голос Сэми.

Это прозвучало так глупо, так неожиданно, что Нико вдруг расхохотался. К нему присоединился Сэми.

Отсмеявшись, Нико заметил, что Сэми вооружен. Тот поймал взгляд друга и решительно заявил:

- Как хочешь, но я в тебя стрелять не стану, - и опустил автомат.

- Твоя взяла, - произнёс Нико, - Я тоже в тебя стрелять не собираюсь.

- Давай вместе разберёмся с остальными, как в старые времена, - улыбнулся Сэми.

На улице раздались выстрелы, и товарищи кинулись к окну.

Они увидели, что одна из девочек целится из пистолета в другую. Первая выстрелила, и вторая девочка упала на землю.

"Пуля" попала ей в голову, вокруг растеклась красная краска.

- Почему она не встаёт? - прошептал Сэми.

Третья девочка выбежала из дома напротив. Она опустилась на колени рядом с упавшей, стала трясти её за плечи. Потом всё поняла:

- Она не дышит!

- Нет! Этого не может быть! - закричала девочка с пистолетом.

На какое-то время девушки замерли в оцепенении. Затем развернулись друг к другу, словно им одновременно пришла в голову одна и та же мысль.

Девушка с пистолетом выстрелила снова. И снова попала в голову.

- Она похожа хороший стрелок, - пробормотал Нико.

Тут раздалась автоматная очередь, и девушка-стрелок упала рядом со своими жертвами.

Нико установил снайперскую винтовку на подоконник и стал наблюдать за улицей в прицел:

- Он сейчас появится. Ему нужно забрать пистолет, чтобы его не нашёл кто-то другой.

- Ты же не собираешься стрелять, Нико? - дрожащим голосом спросил Сэми.

- Убей или будешь убит, не так ли? - раздражённо бросил Нико.

Из-за угла появился рыжий парень с автоматом. Он подошёл к своей жертве, но наклоняться за пистолетом не стал. Вместо этого он достал ножик и начал что-то вырезать на прикладе автомата.

- У него это вторая насечка, - глядя в оптический прицел, сдавленно произнёс Нико, - значит, остались только мы трое.

Палец мальчика скользнул на спусковой крючок, но руки его тряслись, и он никак не мог прицелиться.

- Не надо, Нико. Нико, не делай этого, - жалобно просил Сэми.

Тем временем рыжий подобрал пистолет и пошел к входу в дом, из которого раньше выбежала третья девушка.

Нико отбросил винтовку и повернулся к Сэми:

- Я не могу, просто не могу, - растерянно проговорил он. - Что же нам делать?

- Прятаться, - убежденно ответил Сэми. - Ты забыл, что в эту игру мы играли лучше всех?

Нико кивнул:

- Я помню, Сэми. И лучше всего прятаться там, где враг уже искал.

Друзья дождались, когда рыжий покинет дом напротив. Они тихо спустились вниз и, быстро перебежав улицу, скрылись внутри.

- Зачем они это делают? Почему не отправить проигравших в Зачистке на заводы в Полосе Отчуждения, как раньше?

- Нико, но на этих заводах никогда не работали люди. Там всё полностью автоматизировано. Я знаю, мне рассказывали родители.

- Значит, они всегда убивали нас. Вот так они борются с перенаселением - просто убивают.

- Мы должны уцелеть, Нико. Кто-то должен рассказать всем правду. Рассказать, что такое Зачистка.

- Нет, Сэми. Сначала нам нужно умереть.

Глаза Нико блестели. Как раньше, когда он в игре придумывал очередную хитрость.

Дом за домом, комната за комнатой. Ребята обыскивали местность. Несколько раз они чуть не напоролись на рыжего. Сэми с его чутким слухом всякий раз помогал им избежать нежелательной встречи.

Наконец в полуразрушенном ангаре раздался возбуждённый голос Нико:

- Вот оно! Раздеваемся, Сэми!

* * *

Отчёт. Зачистка. Участок 28

Объект 1. Многочисленные пулевые ранения. Калибр 7.62

Объект 2. Ранение в голову. Калибр 9

Объект 3. Ранение в голову. Калибр 9

Объект 4. Многочисленные пулевые ранения. Калибр 7.62

Объект 5. Тело не обнаружено. Уничтожение взрывом

Объект 6. Тело не обнаружено. Уничтожение взрывом

Объект 7. Победитель Зачистки

* * *

Отчёт. Пограничная служба. Демократический альянс

Нарушитель Н. Пол: мужской. Возраст: 14 лет. При нём обнаружены: кусачки - 1 шт., зажигалка - 1 шт. Одежда отсутствует.

Нарушитель С. Пол: мужской. Возраст: 14 лет. При нём обнаружены: фонарик - 1 шт., фляжка с водой, 1 литр - 1 шт. Одежда отсутствует.

* * *

Отчёт. Отдел пропаганды. Народное Государство. Месяц: июнь
Клеветнических статей в прессе Демократического альянса:

1. Качество образования в Народном государстве - 3 шт.
2. Качество медицинского обслуживания в Народном государстве - 2 шт.
3. Соблюдение прав человека в Народном государстве - 128 шт.
- в том числе убийства детей во время отбора "Зачистка" - 125.

Отчёты, цифры, слова... А за этими фактами смерть, потери и осмысление всего происходящего. Не правда ли? Жить по закону или вопреки ему? Задумайся, человек!

Телегина Арсения

Грибы собирать бабушка любит, а главное – умеет. Знает такие заповедные места, где и маслята растут, и грузди прячутся. А уж если возьмет нас с братишкой в лес – так совсем мечта. Каждому грибочку свое время. На этот раз идем за рыжиками. Они любят хвойные леса – такие как раз у нас есть. Бабушка – грибник опытный: идет, палкой хвою ворошит... Ага, вон семейка груздей спряталась – все как на подбор целые, крепкие. Срезаем их – полезайте в корзинку. А вон сыроежки. Пускай растут – не за ними шли. По каменистому склону поднимаемся на гору: где-то там и есть заповедное местечко.

Но что это? На камне, греясь в лучах нежаркого, но такого ласкового осеннего солнца сидит ящерка. А вон еще одна. Подходим ближе, успевая заметить извилистый, похожий на лабиринт узор на спинках. Брат не боится – подкрадывается к одной, протягивает руку:

- Давай хвост оторвем.

- Что ты! А вдруг Хозяйка Медной горы обидится,- говорю я, сама не понимая, как эти слова вырвались. И уже боюсь оглянуться: а вдруг и взаправду где-то рядом она на камне сидит, коса иссиня-черная, и за нами наблюдает. Лес все-таки.

-Помнишь, - говорю, -у нас такая большая красочная книга есть «Сказы Бажова», а на обложке сама Хозяйка Медной горы с каменной чашей.

Смотрю: отдернул руку. Может, особо и не поверил, но осторожничают, только камень ногой пошевелил. Ящерки, что на солнышке грелись, мгновенно юркнули в траву –

только их и видели, а из-под камня другие врассыпную кинулись: и зеленые, и черные почти – каких только нет.

Слышим: бабушка зовет, идем на голос – в лесу нужно быть внимательным. Только встреча эта мне покоя уже не дает. А вдруг, и правда, встретим кого, ведь не зря наш Урал великий, заповедный уголок земли, в сказах Павел Петрович Бажов воспел. Только вот всё торопимся, спешим, а если на мгновение остановиться, может, и услышим чего.

Книга сказов у нас в шкафу на видном месте стоит. Знакомство мое с ее героями началось с разглядывания картинок. Еще не умея читать, особенно хорошо запомнила я Танюшку, дочь Данилы-мастера, и девку- малахитницу, как позже узнала. А вот с Даренкой, внучкой Коковани, давно знакома была – книжку с одним единственным сказом и большими, на всю страницу, картинками зачитали «до дыр» еще до меня.

А в лесу тихо-тихо. Брат подбежал к бабушке, очищая от прилипшей земли волнушки, потревожил шмеля, который уже на зиму во мху себе дом устроил; тот недовольно шевелит лапками, понять ничего не может. Краем глаза наблюдаю за ним – забавный, а сама думаю: вот выйдем на опушку, а там избушка старая-старая, по крыше которой козлик ножкой бил. Может, повезет, камешки самоцветные найдем. Или вот сейчас спустимся с горки, отойдем подальше, а там, в чаще, озеро- блюдце притаилось, где Синюшка живет. Не каждому бабка свое решето-лукошко подарит. Если мысли у кого недобрые, то и наказать может. Думаю так, а саму холодок пробирает. Иду ближе к бабушке. А у них уже и дно корзинки грибами закрыто.

- Покажи, сколько у тебя, - подбегает братишка. – Мы вон сколько насобирали. А ты?

А что я? Оглянулась: сосна большая, корявая... Сколько же ей лет?! А вдруг под такой как раз и скакала Огневушка.

Помню, прочитав сказ «Малахитовая шкатулка», захотела себе непременно вещь какую-нибудь из этого изумрудного цвета камня. Сережки? В школу нельзя, да и не для девочки-подростка они. Кольцо? Еще смешнее. Увидела на выставке камней брелок из малахита с причудливыми узорами, будто лентой кружевной кто его украсил. Мой! Зажала в ладони, а он от тепла моей руки тоже греется, словно живой, словно душа у него есть. Да нет, глупости. Какая у камня душа! Она у мастера, который жизнь мертвому камню дарит, как Митюнька, сын Данилы: « В каждой яголке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пришлись».

Воспел в своих сказах Бажов мастеров-умельцев, которым сами силы природы помогают: не всякому Хозяйка покажется или кошка с горящими ушками поможет.

Опять замечталась. Иду, пустым пакетиком помахиваю, под ногами золотыми монетками листья осин рассыпаны. Ой! Вздрагиваю: прямо в липкую паутину лицом... А это что?! Стою, готовая закричать, всматриваюсь. Змея!!! Нет. На земле ветка изогнутая. А то вдруг голубая змейка. Читали, знаем.

Выходим из леса. Места знакомые: здесь мы зимой на лыжах с горы катаемся. Рядом дорога, хорошо слышно, как шумят машины. Заканчивается волшебство. Идем к трассе. У бабушки полная корзинка. А у меня? Ну и пусть грибов не насобирала, зато в сказке побывала.

Куренева Анастасия

Мы победили!

Наташа, стояла у порога дома, по её лицу катились слёзы.

-Ты уверена? - дрожащим голосом спросила мама.

-Это ради папы, - с улыбкой произнесла Наташа. - Всё, пора.

Мама поцеловала дочь и через пару секунд дом опустел.

Сирена.

-Подъём, подъём! Даю вам 5 минут на сборы, 10 - на завтрак! Через 15 минут жду всех на площадке!

Наташа соскочила с кровати.

-О-о-о, нет!

Она быстро оделась и побежала по лестнице.

-Подожди, ты ведь Наташа?

-Да.

-А я Настя, не успела вчера с тобой познакомиться, я твоя соседка по комнате.

-Ого, приятно познакомиться, я-то думала, что здесь только мальчишки!

-Как видишь, нет.

Они обменялись улыбками и поспешили в столовую.

-Привет, мы присядем? Я Маша, а это мой брат- близнец Саша.

-Приятно познакомиться, я Настя, а это Наташа.

-У вас осталось три минуты! - громко сказал генерал.

-Так мало? Я ещё даже к еде не притронулся! - с усмешкой произнёс Саша.

Раздались громкие шаги. Перед детьми стоял мужчина лет сорока.

-С сегодняшнего дня, я ваш командир. Вы будете делать всё, что я скажу, а если посмеете ослушаться, то вас ждёт наказание. Здесь не разрешается: реветь, жаловаться и покидать территорию. Генерал подошёл к девочкам.

-А особенно девочкам. Всем понятно!?

-Так точно! - вторил генералу строй.

-Эта неделя - полоса препятствий. Налево, раз-два. Бегом по кругу марш!

На следующий день все четверо сидели в комнате Насти и Наташи, рассказывая друг другу истории о своей жизни.

Молодые люди сдружились настолько, что заменили друг другу семью. Было всё: и тяжело, и одиноко- но эта четвёрка никогда не расставалась. Так прошло пять месяцев.

21 июня 1941 год.

-Сегодня день рождение моего папы, - тихим голосом произнесла Наташа

-Да? Прости, не знала. А где он сейчас?

-Папа... Его уже 5 лет как нет...

-Ещё раз прости.

-Ничего, давай уже спать.

Ночь. Раздался громкий выстрел... Потом завывла сирена.

Наташа соскочила с кровати, посмотрела на Настю, её лицо выражало недоумение, даже растерянность.

Девочки услышали голос генерала:

-Без паники, спускаемся на площадку!

Настя схватила Наташу и потащила вниз за собой.

-Внимание, сегодня в 4 часа утра фашистская нечисть напала на границы Великого Советского Союза! Наша цель - уничтожить врага и защитить народ! -прокричал командир на весь строй

Он стал давать указания:

-Вы (он указал на неразлучную четвёрку) должны помочь людям эвакуироваться!

-Вы, - он показал на другую часть строя, - идёте с Григорием Денисовичем, - теперь он ваш командир!

-А вы, - генерал посмотрел на конец строя, -идёте со мной! Всем всё ясно?

-Да, - громко сказал строй.

-Тогда - по местам!

Наташа уже хотела бежать за остальными, но её остановили:

-Наталья, вы пойдёте со мной, - монотонным голосом приказал генерал.

Наташа повернулась и посмотрела на друзей, которые стали для неё семьёй. По её лицу покатились слеза. Настя схватила руку подруги и захлёбываясь в слезах, хотела что-то сказать, но Наташа её опередила:

-Пообещайте мне...- Она посмотрела на Машу и Сашу, - что выживете любой ценой!

Настя крепко обняла Наташу, да так крепко, что чуть не задушила подругу.

-Ну всё... всё... времени мало...

К Наташе подошли близнецы:

-Не забывай нас, да и есть не забывай, береги себя, - сквозь слёзы произнесла Маша.

Они обнялись, и Наташа побежала за командиром, пытаясь скрыть слёзы. Она и представить ещё не могла, какие испытания её ждут...

Прошло почти 6 месяцев со дня начала войны.

За это время Наташа получила два письма от друзей, в которых говорилось о том, чем они занимаются, сколько людей уже эвакуировали, о разном...

Как же она тосковала по ним. Каждую ночь вспоминала те времена, когда они были ещё вместе, о дне их знакомства; по её лицу катились слёзы. Сама Наташа была снайпером, но не говорила об этом друзьям, чтобы они не волновались.

Девушка сидела в штабе, где обычно генерал обсуждал с военными план действия, и перечитывала письма. Как вдруг в палатку вбежал солдат и с испугом в глазах начал тараторить:

-Товарищ генерал, на эвакуационную базу напали. Последняя машина едет с выжившими.

Наташа соскочила с места.

-Вот список убитых, -после этих слов солдат протянул генералу смятый лист.

Девушка резко перехватила его и начала судорожно читать список. Ни одной знакомой фамилии она ещё не увидела. Но когда дочитала до конца, заплакала. В самом конце страшного списка темнела фамилия, написанная дважды: «Коленчук... Коленчук Мария и Коленчук Александр».

Наташины руки затряслись и выронили письмо. Она понимала, что нужно держаться, но не могла...

- Мы на войне...Это бы случилось рано или поздно... Все мы умрём, - успокаивала себя девушка. - Настя...должна остаться, Настя, - проговорила она шепотом. Где...Где этот грузовик!?

-Подъезжает.

Наташа выбежала из палатки прямо на дорогу, увидела медленно ползущую машину и побежала навстречу. Её не волновали ни выстрелы, ни сирены.

- Самое главное, чтобы Настя осталась жива.

И вот, наконец, грузовик остановился. Из него вышли люди, но подруги не было.

-Наташа!

Кто-то громко окликнул девушку. Голос показался ей очень знакомым...

- Настя... точно Настя! - Не успела Наташа опомниться, как уже оказалась в объятиях подруги, которая захлёбывалась слезами.

Через некоторое время девочки сидели у костра под одеялом. Из-за слёз их глаза высохли и выглядели болезненными.

-Слава Богу, что хоть ты осталась со мной, - тихим, почти неслышным голосом проговорила Наташа. Вместе мы со всем справимся!

Шёл 1943 год...

Вот уже почти год Настя помогала снайперам разрабатывать планы и всегда была рядом с подругой. Но были и плохие моменты. Наташа, каждый раз выполняя задание, была на волоске от

смерти. Девушка считалась лучшим снайпером, на её счету было уже больше 1000 убитых немцев. Ну, и конечно же, она знала весь госпиталь как свои пять пальцев.

Наташа сидела в штабе и ждала Настю с пайком. Как вдруг она услышала крики, выстрелы, вой сирены. Она резко вскочила с места и поняла:

- Воздушная тревога!

Вражеские самолёты начали обстреливать лагерь. Девушка выбежала из палатки и начала высматривать подругу, но нигде не могла её найти. Нет, вот же она, бежит прямо к Наташе.

-Настя! Настя!

Прокричав, это Наташа побежала навстречу подруге. На всякий случай девушка подняла глаза в небо и увидела... бомбу, летящую в их сторону.

-Нет, стой! Не двигайся! – закричала она Насте.

Но Настя не услышала этих слов, она продолжала бежать.

Громкий взрыв... Дым... Ничего не видно...

И вот уже через несколько минут Наташа бьётся в истерике рядом с Настей, которая не подает признаков жизни...

Госпиталь. Кровать.

Уставившись в одну точку, сидит девушка. По её грязному лицу катятся слёзы.

- Теперь никого не осталось: ни Саши, ни Маши, ни Насти. Почему это происходит именно со мной? Что я сделаю? Все...все меня оставили...- Мысли путались.

-Девушка, девушка!?

-А? Да?

Наташа подняла голову и увидела милую женщину. Наверное, она работала в госпитале.

-Вам нужно поспать, я принесу успокоительное.

-Хорошо, спасибо, - робко прошептала Наташа.

Прошло 2 месяца. Возвращение...

-Наталья, нам поступило важное сообщение, нужна команда снайперов, действуйте!

Наташа без промедления согласилась. Нечего терять...

По приезде в лагерь они встретили Григория Денисовича, он подробно рассказал, что и как, куда следовать отряду. Наталья провела бессонную ночь, придумывая план действия.

Снова в путь. Операция, отработанная до мелочей. Дорога каждая секунда. Девушка подала знак, и отряд начал обстреливать одну из немецких баз. Не было видно ни одной живой души, и Наталья с уверенностью вышла из укрытия. Уже почти подойдя к базе, девушка почувствовала невыносимую боль в груди. Сердце ныло. Было больно дышать. По одежде потекла алая кровь, Наташа поняла: её ранили.

Она упала на землю, смотря в голубое небо:

- Маша... Настя... Саша... папа... и - я. Мы победили...

После этих слов девушка закрыла глаза, улыбнулась и прошептала:

-Мы победили!

Ветер далеко унёс её слова, словно делясь радостной вестью с лесом, рекой, деревнями...

Смолин Данил

От издателя:

Этот рассказ представляет собой фрагмент из сборника художественных произведений под названием «Утерянная история», основанных на личных записях участников «второй Отечественной войны» или же, как ее принято называть, «Первой мировой».

«Последний июнь» представляет собой переработанный отрывок из дневников Эрнеста Белозёрского, дворянина, эмигрировавшего из России во время гражданской войны. Мы покорно благодарим внучку Белозёрского, Виргинию Штальмауэр, за то, что она передала нам столь ценные записи. События, описанные в рассказе, происходили 17 июня (по старому стилю) 1917 года накануне июньского наступления русской армии, окончившегося трагедией.

Последний июнь

«Вашбродь, что же эфто вы под дождём-то прозябаете, а? давайте-ка лучше к нам, в блиндажик, всяко лучше ведь. Шинельку высушите свою...» - проговорил мужичок средних лет да невысокого роста, расправляя свою пышную бороду с усами. Белозёрский оторвался от созерцания ничейной земли и ответил: «М-да, а ты ведь прав, Петька. Дождь

усиливается, пора бы сворачивать мой импровизированный наблюдательный пункт... Эх, сколько же мне просить тебя, оставь ты эти глупые шутки с «вашбродь» своим. Сам же знаешь, февраль грянул. Да такой февраль, что Россия затрещала. Прошла уж ярость, не вешают теперь в частях офицеров, а сердце все равно болит. Гиацинтова же... того. Ладно, молчи, это я так, в воздух. Пойдем». Захлопала окопная грязь под сапогами - траншеи были наскоро сделаны, не было в них стоков для воды, ни прочих удобств. Это там, на далёком западном фронте, не было перемен, и солдаты могли обустроить свои земляные жилища, а здесь... Тьфу, подвижная война. До блиндажа была минута пути, может чуть больше. Дуэт из бывшего дворянина да костромского крестьянина быстро добрался до цели. В солдатском доме было шумно.

- Доиграешься у меня, Анджей! Ух, ты мое слово помяни! Алессан Фёдорыч нас не подведёт, голову даю на отсечение. Керенский наш - архистрагиг! Вот рванём в наступление, прогоним Ганса, да по домам. Ты в Варшаву, к жинке, а я к себе, в Углич. Отвоюем свое, как говорится.

Белозёрский мигом узнал оптимистичный бас Фёдора Мозжухина - глуповатого мужичка из Ярославской губернии, что так вдохновился после визита «нового царя России», Александра Керенского, что чуть ли заживо не сгорел от своей страсти. Оно и понятно, «народный вождь» и «спаситель Отечества» был прекрасным оратором. Это по его инициативе готовилось грядущее наступление, и он же «самоотверженно» ездил по разным участкам фронта, воодушевляя солдат. Даже у скептически настроенного ко всем недавним преобразованиям Белозёрского этот «энергичный министришко» вызвал интерес. И ясно ведь, почему, - солдаты в кои то веки не бастуют, не устраивают свои «демократические процессы» прямо на сцене театра военных действий. Ей богу, деятельность Керенского была каплей здравого смысла в океане абсурда! Ну представьте: идёт война, а правительство всерьёз задумывается о демократизации армии, пока большевики грёзят ее роспуском... Впрочем, вернёмся к блиндажу.

Молча кивнув всем присутствовавшим в солдатской каморке, Белозёрский прошел к самой дальней койке и, не разуваясь, улёгся на неё. Раньше здесь ночевал Микитко Смольников, но его на прошлой неделе накрыло снарядом, да так, что и мокрого места не осталось. Пополнение не присылали, вот койка и пустовала. Да и, в чём комедия-то, Анджей с Федькой умолчали о гибели товарища и целых два дня получали за него паёк! Весь блиндаж пировал. Грязно, подло, но разве озаботится моралью человек, жизнь которого превратилась в звуки пулемётных очередей, далёкий гул разрывающихся снарядов и вечное ожидание смерти? Нет. В траншейной сырости смерть - обыденность.

Сегодняшняя солдатская дискуссия почему-то была особенно активной. К спорящим Фёдору и Анджею вскоре присоединился Петька, потом молчаливый Сашка Милковский из Минской губернии, а после него и Данило Ривкин из столичного Петрограда. Дошло даже до гостей из других блиндажей. Настоящий праздник жизни был организован для того, чтобы помешать Белозёрскому уснуть. Обычно «бывший дворянин» принимал активное участие в этих нелепых деревенских спорах, но сегодня для ругани в душе не было места.

«Братцы, а что будете делать, как мы победим, а?» - внезапно спросил Петька. Оживленный спор затих. В этом круговороте судеб, прозванном войной, солдаты давно уже потеряли ниточку, соединявшую их с будущим. Разве война может закончиться? Её огонь горит уже целую вечность, а дрова для него все не кончаются. «Вооруженная нация» из прошлого мертва, ей на смену пришла «нация на войне». Внезапно молчание прервал Сашка: «У меня вот батька - пивовар-с! О как, братцы. Это уже семейное дело, как освободили крестьян-то. Дед работал, отец работает, так почему же я должен отказываться? Вот так-с, главное ведь традицию сохранить, а остальное само придет». «Это что это получается... Ты буржуа, что ли? Кровопийца?», - внезапно прервал восторженного Сашку недавно вошедший в блиндаж Матиас, латыш, происходивший из Эстляндии, увы, к его великому сожалению, никто не прислушался к этим словам. Не было у остальных неприязни к семейному ремеслу Сашки. Чтобы немного разрядить обстановку, в разговор вмешался добряк Фёдор: «Ну-ну, полно тебе, Матт. Ты лучше послушай, какое дело! От деда пошло у него. Вот знавал я одного человека в родном Угличе - кузнеца с руками - сущее золото. У него тоже дело, тоже семейное. И детишки работают, и старик-отец. Инструменты делают, да такие славные! У меня наверняка все ещё лежит ихний топорик дома. На полотне у него буква «К» с вензелёчками - Карминский делал. Ну как кровопийцей назвать такого можно? Это же народ! Самый настоящий. Не бездушные эти ваши буржуи, а свои, родные люди, на благо работающие. Раз так судить, то и мужик, что на своей земле рожь сеет, - буржуй. А на деле ведь достойный человек». От слов Фёдора большая часть обитателей блиндажа пришла в настоящий шок. Это как это, а? Фёдор, недалёкий Федыка Мозжухин, а такие речи читает, даже Белозёрский, до этого пытавшийся абстрагироваться от происходящего, сидел на койке и с улыбкой слушал слова мужика. Ведь тёмный, необразованный, но какая мысль! Ни желчи, ни злости, лишь искренняя любовь к своим соотечественникам, занимающимся хорошим делом. «Правду говоришь-с, татарин, правду», - с легким польским акцентом проговорил Анджей, в шутку прозванный в этой, как ни странно, дружной компании «паном» - за гордость, а также за то, что грамоте был обучен, да писал складно. Бывало даже и так, что Фёдор просил пана Анджея письма за

него писать, дабы матушке в родном Угличе было спокойно. Да и вражда, в которой, казалось, находились Федька с Анджеем, была какой-то особенной, дружеской. Люди друг друга могут и не любить с виду, но дух товарищества, будто вселяющийся в людские души в тяжелых условиях, нельзя изгнать простым конфликтом на той же политической почве.

И потёк разговор дальше в своё мирное русло, обсудили и барышень немецких, помянули Суворова добрым словом, вспомнили про японца на востоке и судьбу низложенного государя-императора Николая II... Дошли так и до судьбы России.

Сложная тема для разговора, у каждого взгляд свой. Первым высказаться решил Петька: «Я вот, эфто, никак понять-с не могу, за что царя убрали. Ну-тка сами посудите, разве царь плохой? А при прошлых то и похуже было! Мой батька-то рассказывал, как отец его, дед мой, освобожден был до временнообязанного и горбатился до осемьдесят третьего году, от как. А моя-то жизнь до того весела, буде с дедовской сличать. Ну разве плохо это? Вот и понять не могу, за что царя... Неужто лучше будет России? Не вижу я, чтоб паче стало. Голодней живется теперече. Ну и на кой чёрт мне эта ваша демократия сдалась, а? Мне бы...» прерван был Петька Данилой Ривкиным, что бесцеремонно в беседу вклинился: «Гм... Больно слушать вас, дорогой Пётр, ей богу, больно. Ведь на подобных вам и держалась проклятая реакция, сброшенная в феврале. Режим царский отныне побеждён и похоронен, и я искренне удивляюсь людям, что желают его возвращения. Поймите же, два шажка осталось до драгоценной свободы, желанной демократии. Как в заокеанских штатах Америки, представьте себе только. «Плохой царь» - прямой итог монархии. При демократии восшествие на пост правителя некомпетентной личности попросту невозможно».

Слова Ривкина, в свою очередь, спровоцировали Белозёрского, который после недавно пропетых дифирамб в сторону демократии не мог остаться в стороне: «Послушайте, Ривкин, я искренне восхищаюсь вашим идеализмом, правда. Вера ваша в демократию может вдохновить многих, но разве не допускаете вы того, что с помощью американской системы к власти может прийти низкий и лицемерный человек? Уж лучше положиться на Бога, что дарует царя, а не на серую народную массу, которая способна выбрать любого, стоит лишь бросить ей пыль в глаза. Народ изначально не имеет права на управление государством, это государство должно контролировать народ. Уж лучше самодержец, чем идиократия, вспомните столь любимую вами, революционерами, Парижскую коммуны».

Этот сдержанный «крик души» вырвался из Белозёрского произвольно. Дворянин твердо был уверен в том, что не вступит в сегодняшний спор, но на выпад Ривкина никто из присутствовавших не мог ответить достойно. Впрочем, достойным ответ Белозёрского

назвать нельзя, потому что бывший дворянин вышел из дискуссии так же быстро, как и вошел в неё, пообещав себе более не ввязываться в разговоры сегодня. Возмущенный столь быстрым выходом из спора Данило самолично присудил себе титул победителя.

И вновь продолжилось обсуждение на всё новые и новые темы, но оно более не волновало Белозёрского, он погрузился в сон. Но почему, право, все обитатели блиндажа с такой жадностью вцепились в ночной разговор? Почему они держатся за него так, будто более не смогут собраться в такой обстановке и поговорить о будущем, о прошлом, о вечном и преходящем? Ведь всегда у человека есть надежда на таинственное завтра, что выплывает из-за горизонта туманным утром. Но этого абстрактного «завтра» у людей в блиндаже не было.

Восемнадцатого июня началось последнее русское наступление. Фёдор Мозжухин погиб при атаке, в первый же день, его тело так и осталось висеть на колючей проволоке. Во время массового бегства солдаты превратились в настоящих зверей. Анджей Чернецкий был расстрелян своими же, его приняли за офицера. Скорее всего причиной его смерти стал фамильный серебряный медальон. Петька пережил 1917 год, но пал жертвой своих убеждений. Он присоединился к Добровольческой армии Корнилова и погиб вместе со своим генералом при штурме Екатеринодара. Александр Милковский вернулся в родную Минскую губернию живым, но был раскулачен и сослан на Урал вместе со своей семьёй в 1930 году. Его потомки до сих пор живут там. Данило Ривкин, шокированный октябрьскими событиями 1917 года, присоединился к одной из эсерских контрреволюционных ячеек. Матиас прожил дольше всех прочих, на стороне красных он втянулся в водоворот Гражданской войны и вышел из пекла перспективным офицером, но карьера его прервалась. Он был расстрелян в 1937 году по «делу антисоветской троцкистской военной организации» (Позже реабилитирован при Хрущёве). Из всех людей, беседовавших в тесном блиндаже в ночь на 18 июня, от старости умер лишь Эрнест Белозёрский, что бежал с Родины во время врангельской эвакуации из Крыма в 1920 году.

Когда всё изменилось

В детстве и юности, когда повседневность не успела покрыться пылью, есть множество дел, которым хочется отдавать все время. Прогулки, общение, друзья, первые влюбленности – они тянут за собой в мир беззаботного веселья, но всегда находятся взрослые, напоминающие, что суть не в том. «Учиться важно,» – говорят они, и учат, и учат, вталкивают формулы и правила в голову, пока они не полезут обратно. А потом оценивают, вытаскивая наружу каждый недостаток, и выводят результат. И говорят:

– Ирине – три, Паше – пять, – и даже не смотрят, как кривятся или вспыхивают радостью лица. И как ждут, делая вид, что это все пустяки, остальные.

Леша лежал на парте, почти не прислушиваясь к словам учительницы. Смотрел на одноклассницу – на Настю, переводил взгляд на часы – до конца урока оставалось всего несколько минут. И беззвучно шевелил губами, повторяя: «...желаю всегда быть на позитиве, чтобы каждое утро начиналось со счастья, а школа не досаждала...»

– Леша, ты меня удивляешь, – учительница отложила очередную работу, а парень поднял голову. – Четыре. Молодец.

– Читер, – шепнула Ирина, наклонившись к уху. – С телефоном каждый решить может.

Он ударил ее легко под партой, чтоб молчала, и подруга тихо рассмеялась.

– Настя... – учительница нахмурилась, перепроверяя. Леша видел, как напряглась одноклассница, пусть и старалась не показать вида. – Три.

– Три? – переспросила Настя. Ее голос взлетел от удивления, и Леша нахмурился. – Но... я ведь... – она быстро взяла себя в руки:

– Когда можно переписать?

– Никогда, – ответила учительница. – Тройки не переписывают.

– Но Светлана Евгеньевна! Она мне всю статистику портит. Можно? Пожалуйста?

– Ты мне то же и в прошлый, и позапрошлый раз говорила. – Прозвенел звонок, учитель добавила:

– Все свободны. В следующий раз лучше готовиться будете.

– Но...

– Свободны.

Настя не ограничилась, конечно, этим. Леша слышал, пока складывал тетради, как она пыталась убедить учительницу. Возмущалась, просила, давила на жалость, говорила о папе, который «убьет»... Светлана Евгеньевна была непреклонна, и скоро Настя вылетела из кабинета, кривя губы. Леша проводил ее взглядом и не удержался от вздоха.

– Ну что, домой? – Ирина хлопнула его по плечу, и он кивнул. Уроки закончились, в школе больше делать нечего. Собраться – и домой. Что может быть лучше?

Они спустились к гардеробу, взяли куртки. Леша молчал, разглядывал толпу, пока взгляд не зацепился за знакомую русую косу, выглядывающую из-под шапки. Настя тоже собиралась, неторопливо, как всегда, и прижимала к уху телефон. Леша снова и снова косился на нее, пока Ирина не ткнула в бок:

– Это твой шанс, – шепнула она, и он дернулся. Ирина рассмеялась:

– Серьезно. Так и будешь вокруг да около ходить? Ничего не изменится само собой!

– Иди ты, – прошипел Леша. Схватил рюкзак, проскочил через турникеты, вылетел из школы под мелкий снег, но там замедлился. Ирина нагнала его, улыбнулась:

– Неужто так страшно, что сбежать хочется? Давай, не робей.

Ей было легко говорить. У нее не дрожали руки, и голос не пытался давать петуха. Леша хмурился, сжимал в руках приготовленную шоколадку, и поглядывал на входную дверь. Она не закрывалась, пропуская изнутри бесконечный ручей школьников, и он всматривался в лицо каждого, чувствуя, как глухо ухает в груди сердце. А когда показалась Настя – застыл, если бы не Ирина, толкнувшая в спину.

Леша сделал несколько шагов, даже окликнул одноклассницу, а потом замялся, не понимая, как продолжить. Настя смотрела без улыбки, и Леша не знал, куда девать взгляд.

– С днем рождения, – буркнул он, сглотнул, продолжил громче:

– Желаю тебе исполнения всех мечт, и счастья, и чтобы оценки только отличные были, и... – в голове вместо заготовленной речи была пустота, и он, мысленно чертыхнувшись, протянул шоколадку, наконец подняв взгляд. Настя улыбнулась ему, но как-то странно, неохотно. Сказала:

– Спасибо, – и отвернулась, а Леша неловко застыл рядом.

– Ты... папу ведь ждешь? – спросил он наконец. Он знал: она живет далеко, и каждый день ее забирают. Настя несколько раз жаловалась на это, говоря, что не может даже с друзьями пройтись. Сейчас она только кивнула, все еще разглядывая дорогу, а не собеседника. Леша вздохнул:

– Понятно.

Молчание тянулось чем-то горьким, оседающим на душе неприятным налетом. Он не хотел уходить, но не знал, о чем говорить, и только смотрел на ее задумчивое лицо, отвернутое в сторону. Он изучил уже все черты, от тонких губ до серых глаз, но разглядывал их, как в первый раз, зачарованно следя за снежинками, оседающими на длинных ресницах. И вдруг заметил, что она моргает слишком часто, и губы чуть сжимает, словно старается сдержать слезы.

– Ты чего? – выдохнул он ошеломленно. – Из-за контрольной, что ли? Ну, получила тройку. Я их почти всегда получаю, и ничего!

– Меня папа убьет, – бесцветно отозвалась Настя.

– Так не говори ему, – пожал плечами Леша. – Не узнает – и никаких проблем.

Она повернулась к нему, вскинув брови в горькой насмешке.

– Электронный дневник, – напомнила она. – Он каждый вечер заходит. И за четверки отчитывает, а тут... он меня точно убьет. И гостей приглашать запретит – а у меня ведь день рождения! В субботу праздник...

– А, – сказал Леша. Как же много проблем у отличников... Он не мог придумать, что посоветовать, но ему даже не пришлось: Настя увидела машину, вырвавшуюся на школьную дорогу, и махнула рукой на прощание.

Ирина не заставила себя долго ждать.

– Ну вот, не все так страшно, а? – усмехнулась она. – Теперь твоя душенька довольна? Можно домой?

– Ага, – машинально отозвался Леша. Но не сдвинулся с места. – Слушай, иди без меня, ладно? Я забыл кое-что... в общем, не жди. До завтра.

– До завтра, – озадаченный голос донесся до него, уже когда он, перепрыгивая через ступеньку, забежал в школу.

На следующий день математика была первой, и Леша пришел заранее. Он задержался у двери, когда услышал громкий Настин голос.

– ...так и не появилась, представляешь? Я целый вечер места себе не находила!

– Значит, все в силе? – уточнил Паша.

– Если оценку сегодня не выставят – да. Иначе... ну, ты сам папу знаешь.

– Будем надеяться. Где еще можно такой вкусный торт поесть?..

– Дурак!

Леша чувствовал, как настроение поднимается к потолку. Голос Насти сиял счастьем, и этого было достаточно. Он открыл дверь, оглядел класс, не сдерживая радости, громко сказал:

– Привет всем!

И замер, ожидая хоть какой-то реакции. Настя мазнула взглядом, но даже не кивнула, Паша не сделал и этого. Ирины не было, а остальным... остальным было плевать.

Разумеется.

Он неохотно прошел за свою парту, то и дело бросая взгляд на Настю. Она по привычке сидела на столе, болтала, крутила в руках телефон, счастливо улыбалась и не смотрела в его сторону.

Леша вздохнул, положив голову на руки, и уставился в телефон. Буркнул приветственно, когда пришла Ирина, и только когда зашла учитель, встал. Обычные ритуалы – проверка домашнего, все ли получилось, есть ли вопросы? Новый материал, решение примеров... Леша слушал непривычно внимательно, ловил каждую фразу учительницы, вздрагивал, когда она глядела на него. Казалось: она знает, зачем он возвращался вчера в пустой класс, но... нет. Нет – ему не сказали ничего, и к концу урока сердце перестало замирать каждый раз, когда учитель заходила в электронный дневник. А когда прозвенел звонок, он и вовсе забыл про случившееся. В конце концов, разве произошло что-то значительное? Лишь маленькая услуга, о которой не узнает никто. Ничего не изменилось, и привычный круговорот затягивал в себя. Дни покрывались скукой так же, как земля – снегом, и серые пейзажи за окном сливались с серыми буднями внутри. Жизнь шла своим чередом, прогремел праздник Насти, вылившийся в несколько дней обсуждений, а Леша смотрел на них со стороны, переговариваясь только с Ириной. Он почти перестал вспоминать о случившемся, пока на один из уроков истории Настя пришла без домашки. И – получила

заслуженную единицу. Ничего, что ей не позволили бы исправить, и впереди не было праздников, которые пришлось бы пропустить, она восприняла случившееся спокойно, но... Во второй раз залезть в учительский компьютер было проще. Они – учителя – не следят почти за техникой. Оставляют ее включенной, сохраняют пароли и не знают, как просто кому-то, кто решится на мелкое жульничество, сделать с оценками все, что захочется. Нужно было лишь остаться в кабинете одному – на вахте выдавали ключи любому, кто попросит, – потратить пять минут, зайти в аккаунт на телефон, и все. Можно наслаждаться радостью на лице одноклассницы и тихими обсуждениями о том, как ей везет. После везти стало и остальным – нельзя было, чтобы заподозрили Настю, и Леша менял оценки другим, понемногу, чтобы никто не заметил. Никто и замечал. В этом было что-то приятное – слушать, как о нем говорят. Ученики поняли, что происходит, раньше учителей, и в первый раз Леша испугался, когда Паша вдруг брякнул в очередном диалоге:

– Может, у нас хакер завелся? Взломал дневник, да и делает, что хочет.

Кровь застыла в жилах, и на несколько секунд единственным, что мог слышать Леша, был сбивчивый стук собственного сердца. Он не поднимал голову от телефона, боясь выдать себя неправильным жестом, а потом Настя прошипела, оглянувшись на дверь:

– Тихо! Даже если так – нам ведь это на руку, а? Учителя узнают – все ведь двойки обратно поставят. Тебе оно надо, а?

– Не, – тут же открестился Паша. – Просто интересно: кто такое мог сделать?

Он оглядел класс, останавливаясь на лицах, и Леша почувствовал его взгляд. Поймет? Нет? Паша уже смотрел в сторону, не подумав на него, и на лице Леша появилась кривая улыбка. Разумеется. Кто вообще может заподозрить призрака с конца класса? Ха!

И только Ирина смотрела на него особенно внимательно. Она даже не спросила как обычно: «чего лыбишься?», не пошутила, промолчала.

А на следующий день, когда на большой перемене Леша заглянул в пустой класс географии – последнего предмета, пароля от которого не было в его телефоне, – Ирина подставила ногу под дверь прежде, чем он успел ее закрыть. Проскользнула внутрь и спросила с насмешливой улыбкой, прикрывая за собой проход:

– Опять забыл сменку, а?

– Ага, – неуверенно отозвался Леша. Он кивнул на свою парту и на пакет, действительно висящий на крючке. Ирина проследила за его взглядом и ухмыльнулась:

– И больше ничего? – Она повернула ключ в замке, отрезая их от остальной школы. – Даже в компьютере чужом копать не будешь?

– Да с чего ты вообще взяла, что это я делал? – раздраженно бросил Леша и тут же прикусил язык. Ирина хмыкнула:

– А ты на свою улыбку в зеркало посмотрел бы – сразу бы догадался. Ходишь и лыбишься каждый раз, когда об оценках говорят. И вокруг Насти больше обычного виться стал. И меня провожать прекратил, – она фыркнула, отвернувшись. – Ну, ты же сделать что-то хотел? Вперед. Полагаю, у тебя времени не так уж и много.

– Угу, – отозвался Леша. Он подошел к компьютеру – разумеется, оставшемуся включенным с первого урока, – зашел в браузер, в сохраненные пароли... Ирина заглядывала ему через плечо, и

это отвлекало, но переписать набор букв и цифр – недолгого времени дело. Он закончил, закрыл вкладку, забрал сменку и собирался выйти, когда Ирина спросила:

– И зачем это тебе?

– Как зачем? – пожал плечами Леша. – Оценки исправлять. Тебе... нужно?

– Не, обойдусь, – качнула головой она. – А остальным чего не скажешь?

– А вдруг выдадут? Да и... делаю, и делаю. Зачем им знать? – в голосе мелькнула неуверенность. Ирина хмыкнула:

– Ага. Значит, анонимный рыцарь. Всем помогает, никому не рассказывает.

– Да что ты вообще привязалась? – возмутился Леша. Ирина вздохнула:

– Ты ведь это все ради Насти начал. Да?

– И? – буркнул Леша.

– Почему не скажешь?

Он не ответил, скривив губы. Не было ответа. Он думал уже об этом, несколько раз подходил к ним, собираясь похвастаться. Чтобы знали. Чтобы хвалили не сбои в программе или неизвестного хакера, а его. Чтобы хоть немного внимания обращали. Но... что он бы сказал? «Хей, это я взломал школьный дневник»? Глупо.

– Дурак, – сделала вывод Ирина, когда молчание затянулось. И предложила:

– Идем. Не будем создавать поводы для подозрений.

– Не расскажешь? – спросил он. Она хитро улыбнулась:

– Учителям – ни-ни, – и вышла первая.

Честно сказать, Леша не сильно верил ей. Он плохо понимал, чего хочет добиться подруга, но, когда она не подняла эту тему ни на следующем уроке, ни до конца дня, немного расслабился. Казалось, Ирина вообще забыла о произошедшем. Леша надеялся на это, и, одновременно, – расстраивался. Все же это был единственный человек, с которым можно было бы поболтать, но...

– О, видел? – голос Насти оторвал от мыслей, и Леша поднял голову. Конечно, она обращалась не к нему, сидя на своем месте и демонстрируя телефон Паше. – По географии.

– Хакер этот опять? – не столько спросил, сколько утвердил Паша. Настя угукнула, не отрываясь от телефона. Ирина вдруг улыбнулась, поднявшись с места, и Леша не сразу понял, что она затеяла, а когда понял – было поздно. Подруга подошла к парте, остановилась, нависнув над сидящими одноклассниками и спросила заговорщически:

– А вы хотите знать, кто он?

Леша кинулся к ней, понимая, что делает все слишком очевидным, толкнул в сторону, возмутился:

– Ты же обещала!

Ирина удержалась о стол и рассмеялась:

– Я говорила только про учителей!

– Серьезно? – Настя подняла брови, переводя взгляд с одного на другую. Леша неловко пожал плечами, не зная, куда деть взгляд. – Да ладно!

– Ты-то? – усмехнулся Паша. – А доказательства где? Я вот тоже могу сказать, что это я оценки меняю, и что?

– А как ты пароль нашел? – спросила Настя. Ирина встала в стороне, скрестив руки на груди. Она улыбалась, смотря на Лешу, на котором сошлось внимание класса, а он сам растерянно оглядывался, не зная, как себя вести и на какие вопросы отвечать сначала. А когда спрашивающих стало слишком много – достал телефон и открыл браузер.

– Сохраненные пароли, – пробормотал он. – Посмотрел на компе, себе записал. Ну и вот. Доступ. Вот, – он продемонстрировал экран, и Настя взяла у него из рук телефон:

– Круто! – поделилась она общим мнением. – А ты так сколько угодно ставить можешь? А можешь еще одну пятерку мне поставить, по алгебре?..

Леша стоял в центре толпы, растерянно улыбаясь. Он сначала кивал, потом пытался объяснить, что нельзя менять слишком много за раз и нужно быть аккуратными. Потом они вместе составляли список изменений, чтобы не попасться и удовлетворить всех. Леша улыбался, когда его слушали, и это было... странно. Словно в одно мгновение из призрака он стал кем-то важным.

После этого дня изменилось все. Контроль над оценками – сила, он понял это уже давно, но теперь почувствовал особенно. Одноклассники отвечали на его приветствия, улыбались, и – это было самым странным – подходили сами. Он все чаще проводил перемены в компании, слушал истории Насти и рассказывал свои, и его не игнорировали. Да, чаще всего все диалоги сходились к оценкам. Да, его участие ограничивалось присутствием, улыбками и ответами на просьбы. Но это было гораздо больше, чем все, что получал он раньше. И это было прекрасно, словно сон, не спешащий заканчиваться, и с каждым днем он смелел все больше, и болтал активнее, и ставил больше оценок. Это было так приятно – помогать друзьям! Это было так восхитительно – видеть их радостные взгляды и улыбки, слышать благодарности. Это было так здорово – находиться рядом с ними, а не в стороне. И идти домой после школы рядом с Пашей и остальными парнями – это тоже было здорово. Там, на улице, сейчас дули поздние декабрьские метели, укутывая деревья одеялом, и дружба укрывала от морозов Лешу. Он даже сидел теперь ближе к доске, через проход от Насти, и иногда она просила посреди урока:

– Леш, подай штрих, – и он, конечно, подавал, получая неизменную благодарность. А иногда он оставался вместе с ней ждать приезда отца, и они обсуждали все на свете, от школьных уроков до Настиных друзей.

– А ты ведь себе почти не меняешь оценки, да? – спросила она однажды. Леша кивнул:

– Ага. Обо мне знают, что я плохо учусь. Начнут выходить пятерки – заподозрят. Опасно.

– Конечно... но тебе разве никогда обидно не было? Или страшно? Вот поймают тебя – что ты будешь делать? За остальных страдать?

– Надеюсь, меня просто не поймают, – усмехнулся он. – Я же аккуратен.

– И все равно... ты смелый. Я бы так не смогла, – вздохнула она, и эти слова грели душу больше прочих. – Кстати, я там по биологии работу не сдала. Исправишь?

– Конечно, – улыбался он. И исправлял, и исправлял, снова и снова. А за Настей приезжал папа, и она вставала, собираясь сбежать. Только однажды задержалась и коротко коснулась губами его щеки, и уехала, а он еще долго стоял с широкой глупой улыбкой.

До каникул оставалось меньше месяца, когда классный руководитель прервала их урок. Она почти вбежала в комнату, взволнованная и раскрасневшаяся, извинилась за вмешательство, оглядела класс и выдохнула:

– У меня есть объявление, – сказала она, и Леша не обратил особого внимания, смотря на крупные хлопья снега, кружащиеся за окном. – Было замечено, что в электронном дневнике кто-то изменял оценки.

Бум.

Сердце пропустило удар, когда смысл слов достиг сознания, Леша едва сдержался, чтобы не вскочить. Как? Он же был осторожен, он старался не менять много, чтобы не попасться... Как?

– У физика был обычный журнал, он заметил несоответствия, – словно отвечая на их мысли, продолжила учитель. – По остальным предметам пока неизвестно, но... я не ожидала от вас такого! Ладно, если бы это сделали дети, но вы ведь почти взрослые! Должны понимать, что делаете...

Леша закрыл глаза, не поворачиваясь от окна. Они ведь еще не знают, кто это сделал, так? Ну, изменили оценки. Много кто мог. Целый класс. Если его не сдадут... Нужно что-то придумать... а что, если успеть рассказать первому, выбрать кого-то, нажаловаться на него... учитель тогда поверит, что они пытаются оправдаться... но как так вышло-то?!

– Не знаю, кто из вас на это способен, но я очень надеюсь, что у него все еще есть совесть. Если это так – я жду его у себя до конца дня. Иначе вопрос будет решаться по-другому. Надеюсь, вы понимаете, что это не игрушки, а правда рано или поздно станет известна. Я от вас такого не ожидала, – повторила она напоследок. И вышла, забыв закрыть за собой дверь. Учитель продолжила урок, а Леша почувствовал, что едва способен держать ручку – его пальцы тряслись, а мысли скакали из стороны в сторону, не позволяя сосредоточиться. Он чувствовал взгляды одноклассников и безумно хотел проснуться, чтобы все было, как прежде. Ну почему этот физик вообще заморачивался с бумагами?!

На перемене он сидел один, задумчиво рассматривая телефон. Нужно удалить все пароли с него – на всякий случай. Продолжать менять оценки слишком опасно, а так, если решат проверить или что-то такое... Он все еще чувствовал взгляды одноклассников, но никто к нему не подходил, даже Настя не решалась.

– Надо же было думать, что у кого-то запасной журнал может быть, – вслух сказал Паша. Кто-то согласился, Леша услышал другой голос:

– И ведь всем оценки меняли, да? А если нам попадет? А если родителям расскажут?

Учителя не было. Можно было говорить свободно, и одноклассники говорили. Леша молчал, стараясь не прислушиваться, но слыша каждое слово. С каждой фразой голоса становились все агрессивнее.

– Нужно было знать, что делал! – возмущался один.

– Самым умным себя почитал, а отвечать всем, – добавил другой.

– Если у меня дома узнают, мне конец, – вздохнула Настя.

– Вот что, Леша, – Паша нахмурился, нависнув над ним. – Ты это сделал – тебе и отвечать. Иди и признайся. Скажи, что ты менял оценки.

– Но ведь вы меня просили! – не выдержал Леша.

– И что? – огрызнулся одноклассник. – Ты менял. Ты и отвечай.

– Я вам оценки менял, вы просили. Мы должны вместе вину взять, разве нет?

«Нет,» – говорил его взгляд. Леша сжал зубы, осмотрел класс в поисках поддержки, но везде видел тот же вердикт: «Тебе отвечать.»

Это было нечестно. Это было неправильно, и он был готов высказать все, когда дверь открылась. Все повернулись на нее, вздрогнув, но только больше напряглись, увидев Ирину и классную руководительницу за ее спиной. Одноклассница рассматривала их с улыбкой, но учитель хмурилась. Тишина почти сверкала в предвестии грома.

– Я ожидала большей сознательности от сделавшего это, – начала учительница. – Но, видимо, у него не хватает духа, чтобы признаться во всем самостоятельно. Спасибо Ирине, она не стала молчать, да и на факты обратила внимание.

Леша смотрел на одноклассницу, не веря. Ирина... Ирина – сказала? Сдала его? Да как... как она могла?!

– Я даю виноватому последний шанс признаться.

Леша не мог сдвинуться с места. Все разрушалось так быстро, так неправильно, так нечестно. Почему это все вообще должно заканчиваться так?!

Учитель вздохнула, держа паузу. Никто не произносил ни звука, только Ирина улыбалась, сверкая глазами.

– Настя, – наконец сказала учитель. Девочка вздрогнула. – Я могла поверить, что так поступит кто угодно, но ты... зачем тебе было менять оценки?

– Ч-что? – у нее дрогнул голос. Настя распахнула глаза, не веря в прозвучавшие обвинения. – Я?! Да я не... я бы никогда...

– Она не меняла их! – вмешался Паша. Учитель поджала губы:

– Не надо врать. У нее больше всего оценок исправлено. Очевидно, что...

– Да не делала я этого! Зачем бы мне? Светлана Евгеньевна, вы ведь знаете меня. Я бы ни за что...

– Это все Леша! – крикнули с задней парты. Настя запнулась, взглянула на него, а потом повторила:

– Это Леша! Он менял оценки. Он украл пароли, и менял.

– Настя, – учитель повторила спокойной. – Нельзя перекладывать вину на другого. Если ты признаешься, все закончится гораздо лучше для тебя.

– Но ведь... я ведь не делала...

– Тогда я буду вынуждена вызвать твоего отца, – вздохнула учитель. У девочки глаза наполнились слезами – Леша видел это отчетливо и молчал. На него смотрели, как на врага, спорили, а он молчал, и только Ирина улыбалась, покачиваясь с пятки на носок.

– Передайте родителям, что в пятницу будет родительское собрание. Там поднимут этот вопрос. Там будут решать, кто прав, а кто виноват, – завершила учитель. Она ушла, и Настя уронила голову на руки. Паша подошел к ней, попытался утешить, но она только отвернулась. Встретила взгляд Леша и прошипела:

– Почему ты молчал?! Это ведь ты сделал! Почему ты не сказал ей? Меня из-за тебя отец убьет! Ты... ты... гад!

Леша не мог сидеть там. Слишком многое изменилось за один день, и сидеть в классе, ожидая, пока весь небоскреб сотворенного рухнет на голову, у него не осталось никаких сил. Леша схватил сумку, запихал туда тетради, выскочил из кабинета, не оборачиваясь. И только когда задержался, чтобы одеться, услышал Ирину.

– Ну и чего сбежал? На тебя и не подумает никто, можешь не волноваться. Ты себе оценки не менял же? Ну. И чего волнуешься тогда?

– Зачем ты сказала учительнице? – выдохнул Леша. – Зачем ты ей все рассказала? Почему... почему соврала?

– Ты сам не спешил говорить. Пошла бы туда Настя – тебе досталось бы. Для тебя же старалась.

– Для меня?! – он задохнулся, схватил куртку, стараясь успокоиться. – Ты... ты... Ты все испортила! Они ведь теперь ненавидят меня!

– Ну и? – пожала плечами Ирина. – Они и раньше не особо любили.

– Но ведь в последние месяцы...

– Что? Общались с тобой? Надо же, какая честь, – она фыркнула. – А ты и доволен. Я вот с тобой общалась – что-то не видела таких восторгов.

– Это другое!

– Да? Надо же. Всё, – она махнула рукой. – Ты доигрался и попался. И говорить на тебя будут. Но на собрании напоминай, что они – друзья, и что оценки менялись у них, а не у тебя. И будет тебе счастье.

– Это ты рассказала всем, – обвинил он. – Если бы не ты, я бы... Никто не узнал бы никогда! Ты все рассказала! Что, так завидно было, а? На тебя-то всем было плевать!

Она сжала зубы, смотря исподлобья. Вечная улыбка исчезла, сменившись злостью, но она не кричала в ответ. Выдохнула воздух сквозь зубы, развернулась на пятках и вышла из гардероба, прошипев напоследок:

– Ты только о себе думать и можешь. Если это твоя благодарность – пожалуйста. Разбирайся с тем, что натворил, сам.

Она захлопнула дверь, а он отвернулся, раздраженно сжав губы. Еще ведь и пострадавшую из себя корчит. Как будто это ее обидели. Как будто это у нее проблемы! А ведь еще подружкой называлась... Он схватил рюкзак, вылетел из школы, и там затормозил, подставляя лицо под

снегопад. Она рассказала классу в самом начале – ну зачем?! Она пожаловалась учительнице сейчас – почему? Помощница, блин. Он и сам справился бы. А остальные ведь тоже хороши – сразу на него кинулись. Друзья. Какие это друзья, если всю вину спихнуть пытаются на него одного?!

Снег летел вниз, и холод пробирался под куртку. Было обидно. И больно. Ведь вчера все было нормально, вчера он болтал с Настей и остальными – а теперь стоял один под снегом, пока они все сидели в классе и наверняка планировали, как бы убедить учительницу, что во всем виноват он. Но ведь они просили, да? Они ведь сами хотели этого! Он просто пытался помочь!

Это было нечестно, и никто, кажется, не собирался этого понимать. И даже снежинки летели, абсолютно равнодушные, он подставил ладонь под одну, смотрел, как плавятся ее очертания, потом сжал кулак. Побрел домой, медленно, не спеша, но перед самым подъездом свернул в сторону. Хотелось затеряться в метели. Нужно было что-то делать. Завтра придется идти в школу, а послезавтра – родительское собрание, и там будет разбирательство, и ему придется объясняться. Ирина была так уверена, что он скинет вину на других – да что она вообще о нем знает?! Она сделала все, чтобы это было проще, и даже не спросила. Дура. Почему она не могла просто остаться в стороне?! И что тогда? – мелькнул вдруг вопрос. Леша замер посреди улицы, пытаясь ответить на такую простую задачку. Что было бы, не вмешайся она? Рассказал бы он о своей вине? Или обманул бы все равно? Он ведь думал об этом, думал, просто не успел воплотить мысли в жизнь. А Ирина успела и, получается, действительно помогла? Вот только Настя его теперь возненавидит. А ведь все было так хорошо! Но если бы не было Ирины – они ведь начали обвинять его еще до Ирины, да? – разве было бы лучше, не будь Ирины? Нет. Нет, – отчетливо понимал он, и от этого становилось паршиво. Они так боялись взять на себя вину, что готовы были подставить его. Разве это дружба? Разве?!

Крупные хлопья белого снега выбеливали улицу, стирая очертания домов и машин. Словно чистый лист с легкими пятнами-набросками реальности. Вот это – одна дорога, вот – другая, но не видно, куда они ведут. Леша замер в нерешительности и вздохнул. Нужно было выбирать. Отказываться от вины, пробираясь по пути, заботливо подготовленном Ириной? Или сказать, что это и правда он? Ему попадет – это точно. Но... разве так не будет честнее? Он еще раз посмотрел на тропки, в разные стороны расходящиеся от него, а потом резко развернулся и пошел назад. А на следующий день назвался больным и остался дома, хотя выходной не принес облегчения. Он пришел только на собрание, один, без родителей – мама работала, как всегда, и это было к лучшему. Прошмыгнул в дверь, надеясь остаться незамеченным, но поймал взгляд Ирины – хмурый, без следа прежней улыбки. Она отвернулась от него быстро, и остальные тоже не обращали внимания. Он сел на последнюю парту один, сложил руки в замок, сосредоточившись на своих пальцах, и старался не поднимать взгляд до тех пор, пока дверь не распахнулась, едва не ударившись о стену.

– Заходи давай, – сказал незнакомый голос. Леша поднял голову, заметил мужчину с сединой на висках и сведенными бровями, потом – Настю, теряющуюся на его фоне. Папа, наверное, – сделал вывод Леша. Они прошли в класс, устроились ближе к доске, и одноклассница держалась тише обычного, не поднимая взгляда от пола. Леша не видел ее лица, но вспоминал, как несколько месяцев назад она стояла, смаргивая слезы из-за какой-то тройки, и ему становилось страшно.

– Здравствуйте всем, – начала учитель. – Мне жаль собирать вас по такому поводу...

Леша слушал ее, не словно не слышал. Она рассказывала о случившемся, объясняла, какие оценки были изменены, в каком количестве... несколько сотен исправлений, как минимум, – говорила она. Леша и не замечал, как много раз на самом деле вмешивался. Неудивительно, что

это заметили. Удивительно, что так поздно, ведь учителя никогда не были слепыми. Незнакомыми с техникой – да, но... да какой смысл сейчас об этом думать?

Учитель опять назвала Настю. Видимо, для нее так и не нашли слов оправдания... Ее попросили выйти, и Настя поднялась под слова отца: он верил в вину дочери и обещал, что наказание будет суровым. Настя стояла посреди класса, опустив голову, а учительница разговаривала с отцом, и никто больше не вмешивался. Поняли за последние дни, что это бесполезно? Не хотели высовываться сейчас, перед родителями? Даже Ирина сидела тихо, и Леше вдруг показалось, что все и правда может закончиться так. Никто не обвинит его. Никто даже не будет разбираться толком – скинут вину на Настю, накажут ее, может, лишат прогулок и вечеринок на пару месяцев. И есть за что, если подумать! Она ведь и правда просила, чтобы ей меняли оценки. Разве же она не заслужила это наказание? Разве же они не виноваты все вместе?

Леша смотрел на нее, сжимавшуюся от каждого резкого жеста отца, и не мог не думать о том, что промолчать будет очень, очень просто.

И именно поэтому он встал, привлекая к себе внимание, и выдохнул:

– Светлана Евгеньевна, Настя не виновата. Это я менял оценки, – сказал он, чувствуя, как скрещиваются на нем взгляды, и слыша тихое: «дурак» от Ирины. – Я скопировал пароли и заходил в дневник. Не она. Если кого-то и наказывать – это меня...

Снег покрывал землю серым покрывалом, жестким и колючим. Он жегся, если к нему прикоснуться, выглядел грязным, покрытый пылью и тенями, и от него некуда было прятаться. Леша стоял у школьного забора, скользя взглядом по улице. Первый рабочий день после каникул прошел не так уж и плохо. Отголоски скандала, разразившегося в последние недели декабря, не исчезли полностью за, но утихли. Его все еще избегали – почему-то казалось, что так будет всегда. Настя только раз заговорила с ним, когда поблагодарила за честность. А потом добавила, что лучше бы он и вовсе не начинал менять оценки – теперь вся ее успеваемость улетела коту под хвост, и исправить восстановленные двойки она не успевала.

Леша не обижался. Честно сказать, он был в чем-то согласен с этим выводом.

Хуже было с учителями и с родителями. До его мамы дозвонились, ей высказали все, что натворил сын, и дома его встретил долгий разговор. Ругань, наказание... каникулы без интернета, школа без телефона – шутка ли? Он не спорил, приняв его, как данность.

Леша больше жалел о другом – он так и не поговорил с Ириной. И теперь, заметив одноклассницу, спускающуюся с крыльца, подошел к ней и пристроился рядом.

– Пройдемся вместе?

Она не ответила, только кивнула, и Леша молча зашагал рядом. Они не разговаривали с того раза, и понять, что сказать теперь, было сложно. Она нарушила молчание первой:

– Вот что: ты – дурак. И мнение мое не поменяешь. Так что говори, что хочешь, и сваливай.

– Я извиниться хотел, – вздохнул он. – Я лишнего много наговорил. Прости.

– И ты думаешь, что я так просто тебя прощу и все будет, как раньше?

– Ну... это было бы прекрасно. Но... нет?

Она фыркнула и отвернулась. Прошла в молчании несколько метров, позволив вопросу зависнуть в воздухе, а потом вздохнула:

– Ладно, я тоже дура, признаю. Хотела как лучше, а получилось... Оба дураки, в общем.

– Значит, мир? – улыбнулся он.

– Мир, – отозвалась Ирина. А потом усмехнулась и впихнула ему в руки пакет:

– Но я-то хорошее имела в виду, а ты обидеть меня пытался! Так что отработывай!

Леша рассмеялся и поспешил следом. И снег все так же лежал вокруг, и серые тучи нависали над головами, но вдруг выглянуло солнце. Крошечный луч упал на землю – и снег заискрился чистотой, и все вдруг показалось совсем-совсем иным. Словно все изменилось в одно мгновение, и в этот раз – Леша чувствовал – изменилось к лучшему.

Тутынин Иван

Улыбки из слёз

Ледяная вода. Лязг ведра. Запечённый нос. Отбивные рёбра. Сладковато-едкий запах курочки, и никакого внимания чмокавших, уплетавших, наслаждавшихся горячими картофелинами на тело, привязанное к батарее.

- Очнулся, фашист... - заметила тело хозяйка.

- Да пёс с ним, мать, - съязвил смуглый подросток и бросил обглоданную кость прямо в нос телу, кость была радушно принята уже высохшей кровью, но само тело, казалось, отнеслось к ней равнодушно.

- Жри, собака! - не унимался подросток.

- Ну, перестань, мы же сейчас за столом, - пресекала его хозяйка.

Когда обед был закончен, в хозяйскую столовую были вызваны несколько ещё ходивших детей. Им было приказано выпинать тело на двор. Дети сняли варежки и утёрли ими нос и рёбра телу, спрятали в карман сухую кость, бережно взвалили на себя тело и осторожно вынесли в холод. Тело многозначительно молчало, дышало смертью и силилось оправдаться перед детьми, но кровь, запёкшаяся на губах, не позволяла.

Положив тело на обледеневшую деревянно-белую скамью, стоявшую на середине двора, словно крошку хлеба, дети, оглядываясь, подложили три свои варежки, которых было столько на весь отряд, прямо под живой труп, Лизонька погладила тело по плечу и, одёрнув руку от дышавшего льда, отбежала.

Детей построили. Тени получали кочергой между позвонками, и со скрипом и треском выпрямлялись. Дети испуганно молчали. Их мимика не менялась уже девять месяцев. Привезённые в конце лета, они, ещё стоя на пороге, поняли, что это их последний засов, крайние ворота, откормленный волк Миша на цепи. Январь свистел, стараясь

напугать, и зубы градом вылетали из его старой челюсти, стараясь разбить окна и оторвать вывеску «Детский Дом №200».

Когда весь лагерь был согнан, вышла хозяйка и Чёрт (так дети прозвали её сына за смуглость и жестокость ко всему, что бессильно). Они были одеты в валенки, шубы, глубокие варежки и бархатные шарфы. На Чёрте была огромная чёрная шапка с кокардой, которую он натирал ежедневно, не замечая, как с неё постепенно сходит эмаль. Хозяйка начала какую-то невнятную речь. Она взмахивала руками, материлась, жаловалась на судьбу, выташнивала плач и ласково называла своего бедного сына Русланом. Когда она закончила, Чёрт был вытолкнут её клешней к лавке так близко, что сквозь шарф, пальто и вязанную кофту он прикоснулся к холоду смерти, услышал её дыхание. Бедняга оглянулся, по сторонам исподлобья на него смотрели будущие трупы, не будь хозяйки, они бы разорвали его зубами, позади – сама хозяйка, грозно жмурившая брови и дышавшая гневом так, что её было практически не видно за белой пеленой. Домашний волк Миша, не влезавший в просторную будку, готов был умереть в любую минуту, но только после того, как перегрызёт Чёрту глотку. Бедный палач взял лопату со сломанным черенком и стал громко щебетать:

- Этот человек..

- Это не человек! – одёрнула его хозяйка.

- Эта сволочь..

- Громче!

- Эта сволочь – шпион, сын убийцы.

- Уверенней, дорогой, – удовлетворённо заметила хозяйка.

- Его сын – фашист. Он убил моего отца. Моего папу.

Слово смерть уже не пугало детей, они просто выжидали скорейшего окончания этой регулярной расправы.

- Хорошо, хорошо, – уже без надрыва выдавила хозяйка.

- За это сын фашиста достоин..

- Громче, дорогой, смелее, – просила хозяйка.

- Достойн..

- Громче! – раскатисто прогремел зов ужаса.

- Достойн медленной и мучительной смерти.

Было не трудно заметить, что Чёрт говорил эти слова не от сердца, он кашлял ими, словно недоученной «Полтавой».

- Давай, – разрешающе просила хозяйка.

Чёрт посмотрел на мать с ужасом, надеждой и отчаянием, но она отвела взгляд, будто и не было его.

Чёрт поднял сломанную лопату, и она с визгом и фонтаном мягко утонула в теле, словно в перине. Дети даже не моргнули, привычка, дело не хитрое.

- Ещё, – требовала она.

- Пожалуйста, нет..

- Ещё! – звоном в стеклах и перепонках вопила она, даже цепной волк заскулил от этого пронзительного и до боли противного звука.

Лопата медленно росла над телом, потом она словно зацепилась за снежинку и стала медленно, но решительно рвать воздух на пути к телу, которое уже не вздрагивало, нечем было ему.

- Халявишь, неженка, - разочарованно свистела хозяйка, - дай, я сама.

Она взяла лопату и живо и со сноровкой стала рубить тело. А оно лишь подпрыгивало на обледеневшей скамье, словно кость на доске. Когда она насытилась, рукой подала знак, и тело отнесли в столовую, привязав к батарее с сосульками.

Дети хромали в барак. Тёмной сыростью встречал их дом. Здесь жили все: девочки, мальчики, тараканы, вши, черви, птицы, пауки и вообще все, кого ещё не пожрал нещадный холод. Детей было 46, все от восьми до четырнадцати лет, девочку от мальчика отличить можно по синякам, у мальчиков они на спине – били, когда те медленно рыли карьер, а у девочек – на руках, хозяйка хлестала указкой, когда девочки не поспевали за её командами в шитье. Волос у детей не было, чтоб не тратить воду и мыло, она решила побрить всех, чем занималась лично, чтоб никто не сломал дорогую бритву. Не умея ничего делать руками, она часто ранила их, но даже не пыталась ничего сделать, зимой рана просто замерзала, а летом – запекалась. Единственным занятием детей кроме работы было создание уюта. Им было необходимо отрывать от своих лохмотьев лоскутки, сворачивать их в трубочки и затыкать ими трещины между досками, из которых был наскоро сколочен этот летний гараж для трактора. В лагере царили тишина и страх, всех, кто осмеливался что-то ответить хозяйке, она выводил за ворота и оставляла там, дети просто коченели, как куст вишни, а остальным она в красках рассказывала, как цепной домашний волк разрывал маленькое тело непослушного.

Через две недели хозяйке наскучили избиения трупа, и она распорядилась перетащить его в барак. Во время бритья, она, возможно случайно, отсекла ему половину правого уха, но, пожалев, что первый раз надела эту шубу и выругавшись, продолжила. Дети хорошо приняли тело, они долго гладили его, отогревали дыханием и своей одеждой, некоторые оставили себе только майку, отдав остальное телу, которое было похоже на промёрзшее бревно, на котором когда-то разделявали оленя.

- Как тебя зовут? – поинтересовалась Эльза.

- Ich bin Karl. Karl, – боясь своей речи, кротно произнесло тело.

- Что он говорит? – на перебой спрашивали дети.

- Он говорит, что его зовут Карлик, - с умным видом заметила Эльза.

- Карлик... Какое хорошее имя, – стараясь понравится телу, громко прошептала Цвия и поправила волосы, которых у неё не было.

Но телу показалось, что и Цвия хочет отомстить за смерть отца, он спрятался и приготовился к боли. Но последовала лишь нежная речь и тёплое, как утренний хлеб, прикосновение маленькой ручки с синими, почти перебитыми пальчиками.

- Не бойся меня. Я Цвия. Ты хороший, - очень тихо, боясь напугать тело, произнесла Цвия.

Тело плакало. Не от боли, не от холода, не от всех этих ежедневностей, оно плакало от жара любви, тепла заботы и солнечной ласки, которые наступают обычно там, где их совсем не ждёшь.

Дети притихли. Стук валенок шёл прямо к ним. Все спрятались, только тело осталось лежать на полу в недоумении.

- Карлик, Карлик! – умоляла Цвия.

- Тише, Цвия, хозяйка не велела говорить, - зашипела Эльза.

- Карлик! – отчаянным шёпотом, почти ревя, кричала Цвия.

- Ну, ты и дура, - отрезала Эльза и притихла.

В барак спустилась хозяйка, сзади плёлся Чёрт.

- Что здесь происходит? – противно отдалось в бараке.

Тишина.

- Я спрашиваю, что здесь происходит? – повышая голос, бормотала она, - вы что, хотите погулять вокруг будки? Я давно волка не кормила, он будет рад свежему мясу.

- Это всё Ленка! Она, она некудышная, шпиона этого гладила, она даже любит его, вот! – не выдержав, прозвенел голос Лизы.

- Вот крыса, - соглашаясь, шептали мальчики.

- Пни эту, непослушную, - холодно приказала хозяйка сыну, - я сказала - пни!

Чёрт стоял, ошарашенный бредом матери.

Она схватила его за волосы, как котёнка швырнула прямо в тот угол, в котором притаилась Цвия.

- Я жду, - не успокаивалась она.

Чёрт поднял глаза на неё. Израненный череп, изодранная майка, костлявые плечи и сломанные пальцы, лохмотья на поясе вместо юбки, босая, но удивительно красивая, строгая к себе и нежная до дрожи, она могла бы быть ему старшей сестрой, о которой он мечтал всю жизнь, она бы дарила ему конфетки, читала сказки, а он бы спал у неё на плече, женственность и мужество были Адамом и Евой в душе Лены, а ее красота – раем для них.

- Пни, псёнок! – выходила из себя волчица.

Зажмурившись, Чёрт, не размахиваясь, сильно ударил Цвию в правый бок, она упала, разбив висок о доски лежанок, неожиданно он стал пинать её в живот тяжёлыми, как мешки с сырой картошкой, сапогами. Цвия плакала, слезы, смешиваясь с кровью, красили пол барака. Дети кусали руки, рвали на себе кожу, пытались отвернуться, но не могли оторвать глаз. Чёрт пинал отчаянно. Он мстил хозяйке. Он кричал в себя: «Не мать ты мне, не мать!» Хозяйка с удовольствием наблюдала, но вдруг резко одернула его, увидев, что ребёнок стал выплёвывать бордово-голубую кровь.

- Стой, сумасшедший! – взывала хозяйка, - помрёт же! Хочешь, чтоб меня уволили?!

Она взяла Чёрта за руку и вывела на улицу, все прильнули к щели между досками и смотрели, как старуха снегом смывает кровь с сапог сына.

Когда они почувствовали, что старуха ещё долго к ним не придёт, они спустились на ледяной пол и обняли Цвию. Два тела, наконец, получили что-то общее – холод тел, недвижимое спокойствие, надежду на отчаяние и скорую смерть – избавление от неизбежности.

Хозяйка влетела в барак мгновенно, неожиданно.

- Слушайте меня, бестолочи. Возьмите эту, что на полу, положите в мешок и вынесите за ворота. Бегом! – она бросила на пол дырявый мешок из-под сахара и вышла во двор.

Дети стали бережно запихивать дышащее тело в мешок. Поправили ручки, ножки, сделали отверстие, чтоб дышало. Сняли с себя оставшуюся одежду и утеплили ей мешок. Кто-то засунул спрятанную за щекой кость, кто-то выколупанный из стены барака гвоздик, кто-то платочек. Каждый подарил телу что-то своё, единственное, необходимое. Они волокли тело по льду через весь двор, мешок начал рваться, они, изо всех сил стараясь поднять его, тащили, падали, вставали, шли.

Вынеся за ворота, бережно откопали ямку в снегу голыми руками, почти голые дети, подтолкнули мешок с телом, и он скатился в вырытый овражек. Дети, все эти Ойгены, Эльзы, Германы, Ахматы, Хаджары, Кимы, Чунги, все эти шпионы, припорошили сверху тело, погладили снег, кто-то всхлипнул.

- Не реви, мы сильные, - заметили мальчики.

Вернувшись, они обнаружили в бараке Чёрта и зашипели.

- Не бейте меня! – умолял он, - вы ничего не знаете. Она страшная! Мой отец в тюрьме, ещё до войны... за разбой и убийство милиционера, никто его не убивал, просто она ненавидит войну. Ненавидит за то, что из-за войны, ей не дали должность начальника образования в нашем районе, а назначили директором детского дома. Сейчас она спит. Я не могу больше так жить. Меня зовут Руслан, пожалуйста, не называйте меня больше Чёртом. Я заслужил, заслужил, но, я не хотел... Она сама!

Дети шипели и не хотели верить палачу с молочной улыбкой.

- Смотрите! Вот гвоздь, - он показал детям длинный ржавый гвоздь, с которого медленно капала ещё не замёрзшая кровь, - я убил. Нет больше хозяйки. Нет больше зла. Вы свободны, бегите, я останусь с ней.

Дети молчали. Чёрт сел на пол и стал рвать на себе волосы.

- А где Эльза? – ровным голосом спросил кто-то.

Все бросились на двор и увидели Эльзу, которая стояла перед собакой так близко, что та без труда могла растерзать девочку и кричала изо всех сил: «Ну, съешь меня! Ну, съешь! Я плохая! Я дура! Предательница! Съешь, мерзкая собака, съешь тебе говорю!»

Дети, забыв про страх, кинулись к будке, собака стала громко лаять, дети завизжали, и остановились, собака лаяла на детей, защищая Эльзу. Первого человека, который заговорил с цепным волком. Эльза подошла к Мише, и он лизнул её.

- Он её прощает! – закричали дети.

Эльза освободила Мишу, и все побежали к воротам, сопровождаемые громким весёлым лаем свободы. Они не без труда отворили засов, стали искать мешок с телом. Долго копали снег голыми руками. Но вот Миша залаял, энергично откидывая лапами снег.

- Нашли! – звенело детское счастье.

Вытащив мешок, они бережно достали тело, которое ещё дышало, пускай и холодом. Они взвалили её себе на спины и потащили в дом к хозяйке. Зайдя, остолбенели. На полу в неестественной позе раскатилась хозяйка, она, даже будучи мёртвой, смотрела на детей, словно хотела, чтоб они как можно быстрее оставили её в покое. Пускай даже вечном. Дождалась. Уже имея такую привычку, дети равнодушно вытащили ее на двор и затолкали в будку, закрыв дверцу на засов.

Дети поставили чай. Руслан показал им шкаф, в котором хозяйка прятала вещи, предназначенные для детей, на них были наклеены ценники, написанные карандашами. Они нарядились, умылись с мылом впервые за пять лет. Стали петь песни и кушать бутерброды с салом. Руслан не ел. Он бегал, как гостеприимный хозяин, наливал чай, подавал посуду, нарезал хлеб. Когда дети наелись досыта, они решили поиграть в свадьбу и поженили Карлика и Цвию; их посадили на самый высокий стул и ходили вокруг хороводом, напевая мелодии песен, слова которых они уже давно забыли. В комнате стоял народный гул, впервые за *bitte* и *cześć* никто не получил по губам.

- Наградить директора детского дома №200, Волкову Римму Вячеславовну, премией в размере 120 рублей! – прозвучало в зале сельского совета. Конверт с премией получил почтальон и отправился на адрес.

Согретые, накормленные дети, которые только сейчас поняли, что счастье, это когда все рядом, бегают, кушают сушки и пьют чай с сахаром, обнимаются и что-то поют, когда никого не бьют, не ломают пальцы, не бьют по спине кочергой, когда все живы и никто не глотает кровь, когда на лицах абсолютно всех детским солнышком расцветает улыбка дружбы, радости, любви. Дети плакали от счастья, вспоминали родную речь. Когда стемнело, все вскарабкались на кровать хозяйки, легли под большое, тяжёлое одеяло, погасили свет, пожелали друг дружке спокойной ночи. Их веки стали встречать сумерки прошедшего дня, рассвет благословенного сна уже караулил их. Первые сны о мёде и молоке уже нежили воображение.

И тут в дверь постучали...

Номинация «Литературный проект»

Девярых Елизавета

Урок Победы

Звонок. Мой 5Б класс быстро разбегается по своим местам. Звучит музыка. Сегодня необычный урок. Урок Победы. Вздонованно звучат голоса наших одноклассников:

Помните! Через века, Через года,
Помните! О тех, кто уже не придет никогда,
Помните! Люди! Покуда сердца стучатся,-
Помните! Какою ценой завоевано счастье,-
Пожалуйста, Помните!

Ведущие Урока продолжают: «9 Мая будет 75 лет, как закончилась война. Великая Отечественная война была самой жестокой и кровопролитной войной за всю историю человечества. Да, огромную цену заплатил наш народ за эту Победу, много горя и страданий вынесла наша земля, но мы все - все люди России должны гордиться тем, что всё снесли, всё вынесли наши предки, что не согнули наших людей отчаяния и страх. Все меньше остаётся ветеранов, но это не значит, что они уходят из нашей памяти. В каждой семье были родные, участвовавшие в той страшной войне».

Школьники встают и со слезами на глазах рассказывают о своих родственниках. Кирилл: «Мой прадед Василий Архипович в тяжелые времена войны работал на Уралвагонзаводе, где делали танки Т-34. Прямо с завода эти танки грузили на железнодорожные платформы, а потом отправляли на фронт сразу в бой. Я очень горжусь своим дедушкой, он для меня герой». Анна: «Мой прадед Михаил Иванович в декабре 1941 года поступил в подразделение авиации дальнего действия. За период войны совершил 247 боевых вылетов, уничтожил огромное количество вражеской техники. Участвовал в обороне Ленинграда. Последний вылет лётчик - герой совершил 17 апреля 1945 года на Берлин. Родина наградила его двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны первой степени. Я горжусь прадедом!». Егор: «Мой прадедушка, Николай Кузьмич, действительно, был защитником моего Отечества. Добровольцем ушёл на фронт, едва ему исполнилось 18 лет. Он воевал в пехоте. Был тяжело ранен в голову, не раз обмораживал ноги и два раза был контужен. Говорят, он не любил рассказывать о войне. Это было очень страшно. Фашисты были очень жестокие. Одним из жутких воспоминаний осталось зрелище, которое увидели наши солдаты, когда освободили город Будапешт: горы убитых

фашистами людей на главной площади города. А в одной из деревень обнаружили сарай. Подошли, там тишина. Когда распахнули ворота, увидели женщин, стариков и детей, фашисты хотели их сжечь заживо, а наши солдаты их спасли. Был награжден во время войны и после многими орденами и медалями за мужество и отвагу. Мой прадед, я помню тебя и горжусь!». Владимир: «Мой прадед ушёл в 19 лет на фронт защищать Родину от фашистских захватчиков. Перед фронтом прадедушка Никита прошёл школу командного состава и получил звание лейтенанта. В одном из боёв под Сталинградом он был тяжело ранен. Мой прадед был на фронте один год. Но всю жизнь, когда ухудшалось его здоровье из-за контузии, он терял сознание, в беспамятстве снова и снова поднимал свой взвод: «Вперёд! В атаку! Бей фашистов!». Для него война так и не закончилась. Я рад, что могу гордиться таким прадедом». Дима: «Мой дед добровольно пошёл в военкомат. Когда подошла его очередь, он сказал, что ему 18 лет. Так дед стал воевать на фронте. В тяжёлом бою он был ранен в ногу. Попал в плен. Было очень страшно. В мае 1945 года он вернулся с войны живым. Моя мама говорила мне, что дедушка был очень хорошим человеком, добрым, смелым и справедливым. Мне очень жаль, что я с ним не виделся. А мне бы очень хотелось». Выступили все. Проникновенно звучат в исполнении Даши письма солдат матерям. Она смогла передать материнскую боль русских женщин, потерявших на фронтах сыновей и дочерей.

Ведущие читают стихи:

Мы живём в тревожном мире,
Но не наша в том вина,
Что звучит слова в эфире:
«Гнёт», «агрессия», «война»...

Как горько было слышать из уст девчонок и мальчишек двадцать первого века, что «без войны не живёт ни одно поколение»! Много горя принесла людям война, в каждой семье о ней вспоминают с болью в сердце. И мы никогда не должны забывать о том, что сделали для нас наши деды и прадеды, отдававшие жизни за наше будущее! Вот бы эти Уроки Победы услышали те, кто разжигает войну сегодня...

«Две судьбы одной войны»

Прошла война, прошла страда,

Но боль взывает к людям:

Давайте, люди, никогда

Об этом не забудем!

А.Т.Твордовский

Война. Самое страшное слово на всех языках мира. Каждый может дать определение войне, но только тот, кто видел, пережил её, знает, что такое настоящая война.

Уже давно отгремели канонады, погасли пожарища разорённых сёл и городов, не слышно стонов умирающих. Много изменилось с тех “сороковых, роковых”: успело родиться, вырасти и состариться целое поколение.

Но мы помним! Помним о молодых, совсем ещё зелёных вчерашних школьниках, повзрослевших в одну минуту. Помним о слезах матерей, не дождавшихся своих детей с “кровавой войны”. Помним о вечном голоде и страхе за себя и близких. Помним обо всех погибших, спасших нас ценой собственной жизни.

Для меня, как и для всей моей семьи, понятие «война» не просто слово. Я и мои родные хорошо знаем, что это такое, так как связано это с моими близкими. Война-это судьба моих прадедов, их долгий и мучительный путь к победе.

Я часто смотрю на чёрно-белые фотографии тех лет, старенькие, пожелтевшие, но такие дорогие для меня, смотрю и представляю, как воевали мои прадеды-герои, хотя героями они себя по-моему, и не считали... Они просто защищали Отечество, дом, семью, близких...

Мой прадедущка, по отцовской линии, Елохин Сергей Григорьевич, тоже был участником Великой Отечественной войны. Долгую жизнь прожил наш прадедущка, и он является примером для всей нашей семьи, от него исходят наши корни.

Мой прадедушка Елохин Сергей Григорьевич родился 7 октября 1917 года на хуторе, недалеко от села Знаменского. Мать Елохина Галина Еремеевна, отец Елохин Григорий Константинович были простыми крестьянами, жили скромно, имели хозяйство. В семье было 17 детей, но в то время многие умирали в младенчестве. Один из братьев Давыд погиб на войне и до недавних пор считался без вести пропавшим.

В детстве мой прадед был очень трудолюбивым, всегда помогал родителям, следил за младшими сестрами, прислушивался к советам старшего брата. Самым любимым занятием была рыбалка, купание и соревнования между мальчишек кто дольше продержится под водой. Также братья строили плот и переплывали пруд. Вечерами все дети деревни собирались за деревней на большой площадке, где играли в любимые игры – лапту, косарики. Между детьми проходили соревнования, у каждого мальчика был самодельный лук и стрелы. За ним была всегда победа, потому что он был самым ловким, выносливым и всегда попадал в цель. Позже ему это пригодилось во время войны. До войны мой прадедушка учился в школе, закончил семь классов, был прилежным учеником.

Дед Сергей (так все его зовут) работал сначала на мартеновских печах города Серова. Потом приехал в нашу деревню. Стал работать трактористом. Служил он в Латвии.

Началась Великая Отечественная война. Мой прадед, Елохин Сергей Григорьевич,

как и многие миллионы советских людей, в 1941 году по зову сердца и призыву партии встал на защиту нашей Родины. Прадед с первых дней войны на фронте воевал на Северо-Западном фронте в звании ефрейтора-связиста в 153 отделении батальона связи с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года (выписка из военного билета). Он обеспечивал связь штаба с фронтом. Был связистом, но и с автоматом не расставался. Нельзя было допустить врага к столице, и поэтому велись ожесточенные бои на всех участках фронта. Часто приходилось деду прерывать свое дело и вместе со всеми отбивать натиск фашистов. За один из таких боев, когда атаки врага отбивали несколько суток, командование наградило Сергея Григорьевича орденом Славы III степени. Официально это звучало так: «за выполнение боевой операции по обеспечению связи».

Прадедуська мало рассказывал о тех временах, тяжело и горько было вспоминать об однополчанах, которых он потерял в боях и сражениях, с кем бок о бок пришлось сражаться, отвоёвывая у фашистов каждую пядь своей родной земли.

А вот что он рассказывал моим родственникам. Ползли они с напарником настраивать связь, разорвалась рядом с ними мина. Товарищ погибает, а прадед остался живой. Были и другие бои, и воин выдержал их, четыре года своей жизни провел он на передовой и, к счастью, ни разу не был ранен. Как говорил, шутя, на встречах с односельчанами и школьниками: « Видать немец пули для меня не сделал». Второй наградой стала медаль «За боевые заслуги». Войну закончил в Восточной Пруссии. Всю войну от июня 1941 года до победного мая 1945 – прошел он со своим 53 отдельным полком связи.

В июне 1946 года прадед возвращается в село Знаменское.

После того, как вернулся с войны, снова работает трактористом в колхозе имени Свердлова. Потом познакомился с бабушкой Наташей. В любви и согласии прожили более 50 лет. Более 17 лет проработал механизатором, а потом работал бригадиром по механизации. Неоднократно выходил победителем соревнований. В 1970 году награжден юбилейной медалью за многолетний и добросовестный труд. Пока мог с утра оббегал всех своих детей, чем мог помогал- где советом, а где и примером. Жители села Знаменского помнят, как лихо играл он на балалайке и пел частушки. Всю мирную жизнь участвовал в самодеятельности.

Прадедуська Сергей с прабабушкой Наташей воспитали 6 детей. 4-веро из них

жили и живут в селе Знаменском. Внуков – 17, правнуков – 24 и 5 праправнуков. Все мы гордились и гордимся прадедом. 9 мая

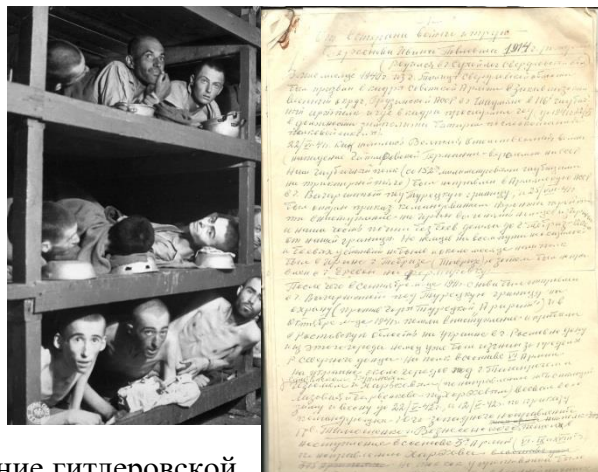
традиционно всей семьей ходили поздравлять его, а затем все шли на митинг.

Мой прадед, на радость нам, прожил долгую жизнь: Сергей Григорьевич скончался 2 апреля 2016 году на 99 году жизни.

Судьба моего прадеда, деда Сергея-это лишь одна страница в истории войны. Но есть и другая, связанная с очень страшной темой-темой концлагерей. Это трагическая судьба моего прадеда по материнской линии Берсенёва Ивана Павловича, которым я тоже горжусь.

Мой прадедущка – Берсенёв Иван Павлович попал в плен в первые недели войны. Плен - это самое страшное, что могло произойти в жизни военного человека. Плен - это неволя: проволока, ограничения и лишения. В крайне сложных для человека физических условиях ломались даже очень сильные характеры. О том, как вели себя советские военнопленные в этих условиях, мы, к сожалению, знаем очень мало, так как на протяжении многих лет признавались лишь официальные оценки исторических событий и поступков людей.

Из воспоминаний прадедущки. В мае 1940 г. из г. Талицы Свердловской области был призван в кадры Советской Армии в Закавказский военный округ, Грузинская АССР в г. Шаумяне, в 116 гаубичный артиллерийский полк. После окончания полковой школы прослужил год до 22 июня 1941 г в должности замполита батареи . 22.06.1941 года началась Великая Отечественная война (вероломное нападение гитлеровской

Германии на СССР).

Гаубичный полк со 152 миллиметровыми гаубицами на тракторной тяге был направлен в Армянскую АССР в г. Вагаршапат под турецкую границу, а 25.08 1941 года был отдан приказ командованием фронта перейти в наступления на Иран и выгнать немцев, но боевых действий не было около месяца. Полк отправили в город Ереван на переподготовку. После чего, в сентябре 1941 года снова были отправлены в город Вагаршапат, а уже в октябре 1941 года пошли в наступление и прибыли в Ростовскую область на Украине в город Ростов – на-Дону, и из этого города немцы уже были изгнаны за пределы реки северного Дона. Полк в составе VI армии на Украине под Таганрогом, Изюмом и Харьковом воевали до 22.05.1942 года.12.05.1942 года по приказу командующего Юго-Западного направления Тимошенко и Вознесенского пошли в наступление в составе III армии в Харьковском направлении. Но так как у противника было очень большое превосходство в военной

технике и силах, три части оказались под Харьковом в окружении противника, а те, кто остался в живых, попали в плен к немцам.

После участия в боевых действиях в мае 1942 года Иван Павлович контуженный, попал в плен. Всех пленных с поля боя этапом погнали до железнодорожной станции. Посадили в вагоны и повезли на Украину в г. Житомир в лагерь для военнопленных, а отсюда через несколько дней увезли в Польшу в г. Романово в карательный лагерь. Через месяц перенаправили в Германию в лагерь за колючую проволоку. Поселили в бараки. Работали в угольных шахтах городов Дюринг, Ахен, Бахум и др., в Рурской области – земли Кельня и Эссена возле французской границы. И все три года отбывал глубоко под землей в угольных шахтах, а на поверхности за колючей проволокой в деревянных бараках под усиленной охраной полицейских. Кормили плохо. За любую провинность давали дополнительные нормы выработки угля.

Не раз приходилось совершать побег, но безрезультатно. Возвращали, пороли и снова в шахты. А когда наши союзники открыли второй фронт – американцы и англичане в 1945 году, то немцы военнопленных со всех лагерей согнали в один лагерь, но не успели в газокамерах нас уничтожить. В мае 1945 года освободили американцы тех, кто остался в живых.

В день освобождения мой прадедушка весил всего 38 кг.

Вскоре после освобождения военнопленных американцы передали нашему командованию – Советской Армии в Германии, где из немецких тряпок и деревянных колодок обмундировали уже в новую советскую одежду.

После тщательной проверки снова отправили служить в Советскую кадровую армию в Восточную Пруссию.

Служил прадедушка в качестве писаря артиллерийской батареи.

Прадедушка Иван любил поэзию и сам писал, стихи из Восточной Пруссии после войны отправил домой первое письмо в стихотворной форме о жизни в фашистском плену.

Письмо на родину

ПИШУ ПИСЬМО РОДНЫМ В РОССИЮ.

НЕ ЗНАЮ, ЖИВ ЛИ КТО ИЗ ВАС.

МЕНЯ В ЖИВЫХ ВЫ НЕ СЧИТАЛИ,

НО ЖИВ И Я ЕЩЁ СЕЙЧАС.

Я МНОГО ЛЕТ В РАЗЛУКЕ С ВАМИ,

РОССТАЛСЯ ОЧЕНЬ МОЛОДОЙ.

ТЕПЕРЬ Я МНОГО ИЗМЕНИЛСЯ,

ПОЧТИ СОВСЕМ УЖЕ СЕДОЙ.

ЛИЦО МОРЩИНАМИ ПОКРЫЛОСЬ.

ПОХОЖ Я СТАЛ НА СТАРИКА.

ПИШУ Я ВАМ ЭТУ ЗАПИСКУ

С ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ ИЗДАЛЕКА.

СТРАНА ФАШИСТОВ НЕНАВИСТНЫХ.

ТРИ ГОДА В НИХ ПРИШЛОСЬ СТРАДАТЬ,

В ЖИВЫХ НЕ ДУМАЛ Я ОСТАТЬСЯ

И ВАМ РОДНЫЕ НАПИСАТЬ.

НАМ ЖИЗНЬ БЫЛА В ПЛЕНУ КОШМАРНА,

ЗДОРОВЬЯ МНОГО ОТНЯЛА.

РЕЗИНА, ПАЛКА И БАЛАНДА

В МОГИЛУ ПЛЕННЫХ ЗАГНАЛА.

ФАШИСТЫ БИЛИ НАС, ТЕРЗАЛИ,

СЧИТАЛИ НАС ВСЕХ ЗА ЗВЕРЕЙ,

РАБОТАТЬ МНОГО ЗАСТАВЛЯЛИ,

КРИЧАЛИ ВСЕ: «ДАВАЙ СКОРЕЙ!».

РАБОТАТЬ НАМ БЫЛО НЕ В СИЛУ,

БЫЛИ СЛИШКОМ МЫ СЛАБЫ,

ПО 200 ГРАММ ДАВАЛИ ХЛЕБА,

И ЛИТР ТУХЛОЙ БАЛАНДЫ.

НАМ ХЛЕБ ДАВАЛИ СУРРОГАТНЫЙ,

А СУП ИЗ БРЮКВЫ И ВОДЫ,

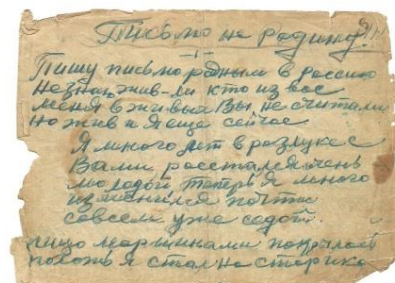
НАС МНОГО УМЕРЛО НЕСЧАСТНЫХ,

ОТ ЗЛОЙ ФАШИСТСКОЙ КАБАЛЫ.

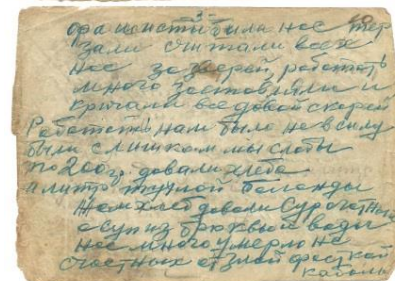
НАМ ЧАСТО, ЧАСТО ПРИХОДИЛОСЬ,

НЕ ЕВШИМИ ЛОЖИТЬСЯ СПАТЬ,

И В ДОБАВОК ВМЕСТО СУПА,

Письмо на родимую!
Пишу письмо родным в Россию
не знаю жив ли кто из вас
меня в живых вы не считали
но жив и я еще сейчас
Я много лет в разлуке с
вами расстался очень
молодой теперь я много
изменился почти
совсем уже седой
лицо морщинами покрыв
лось я стал на старика

Орамолати били нас тер
зали считали всех
нас за зверей работ
ать много заставляли
и кричали все давай
скорей Работать нам
было не в силу были
слишком мы слабы
по 200 грамм давали
хлеба и литр тухлой
баланды нем хлеб давали
суррогатный суп из
брюквы и воды нас
много умерло несчаст
ных от злой фашистской
кабалы

КУЛАК, РЕЗИНУ ПОЛУЧАТЬ.

И ВСЕ МЫ ЖДАЛИ С НЕТЕРПЕНИЕМ,
КОГДА ЖЕ НАС ОСВОБОДЯТ.
КОГДА НАСТАНЕТ ДЕНЬ СВОБОДЫ,
ФАШИСТОВ ЗНАКИ ПОЛЕТЯТ.

ВОТ ДОЖДАЛИСЬ МЫ ДНЯ СВОБОДЫ,
СПЕРВА НЕ ВЕРИЛИ ВСЕ МНЕ,
КАК БУДТО ВИЖУ ВСЕ В ТУМАНЕ,
КАК БУДТО ВИЖУ ВСЕ ВО СНЕ.

После демобилизации из Восточной Пруссии направили прадеда временно на лесозаготовки в Архангельскую область.

Вернулся прадед на родину в Сухой Лог 07.11.1946 года. Женился 01.10.1955 года, вырастили двоих детей. Стал работать. 9 февраля 1979 года был награжден за долголетний добросовестный труд медалью «Ветеран труда».

О моих прадедах рассказали мне мои родители. А я, в свою очередь, расскажу обязательно о них своим детям и внукам. Память о защитниках нашей Родины, о наших дедах и прадедах должна жить в наших сердцах и передаваться из поколения в поколение.

Забывать-значит предать, а мы не имеем на это никакого морального права.

Тема трагической судьбы людей никогда не будет исчерпана. Я не хочу, чтобы повторились ужасы войны. Пусть мирно растут дети, не пугаясь взрывов бомб, пусть не повторится война, чтобы не пришлось матерям плакать о погибших сыновьях. Человеческая память хранит в себе и опыт многих живших до нас поколений, и опыт каждого. Пусть же эта память и опыт учат нас добру, миролюбию, человечности.

Меня зовут Мариам Чечелян. Я родилась в Армении, в городе Ереване. В пятилетнем возрасте переехала в Россию – в посёлок Атиг Нижнесергинского района Свердловской области.

В России всё не так, как в нашей стране. Другие люди, язык, обычаи, традиции. В Атиге большое впечатление на меня произвели деревянные дома с красивой резьбой вокруг окон, вдоль крыш и ворот.

Один из домов на улицах поселка Атиг

Армянские жилища из камня и металла, с украшенным фасадом нет. Мне стало интересно, кем и каким образом выполнены деревянные резные узоры, делающие дома похожими на сказочные терема.

Совершив экскурсию по Атигу, побывав в Нижнесергинском музее, я многое узнала. Но самое главное, удалось побеседовать с детьми и внуками старых мастеров и встретиться с умельцами, создающими резное чудо.

Экскурсия и встречи

В Атиге большая часть домов деревянных. Они построены по всем правилам строительства русской избы. С красивыми наличниками почти каждый. Часть из них украшена деревянной резьбой, выполненной руками хозяина дома. В 70 –х 80-х годах прошлого века мастера даже соревновались между собой: у кого лучше? Иногда отделка дома стоила столько же, сколько стоил сам дом. Украшения для фасада дарили на свадьбу, снимали со старого дома, прибывали на вновь построенный. Секреты мастерства

передавали отец сыну, дед внуку. Так «первым плотником на весь Атиг» в 1930-ые - 1950-ые годы стал Савичев Алексей Васильевич (1894 – 1961).

Савичев Алексей Васильевич, токарный станок

Плотницкому делу его обучил отец - Василий Сипатьевич. В то время Алексей Васильевич не предполагал, что своим ремеслом будет кормить семью. После первой мировой войны он вернется инвалидом. Забытое мастерство придет на помощь. Делал всё: горки, столы, стулья, табуретки, лодки. Работал на токарном станке. Изделия продавал. Но самое главное - строил дома. Построил 4 дома в Атиге.

Дома, построенные Савичевым Алексеем Васильевичем. Резьба на наличниках, причелинах и воротах его дома выполнена самим мастером

Старожилы посёлка до сих пор помнят имя мастера. Сын и дочери отцовского ремесла не приобрели. Продолжил дело мастера соседский паренек, живший на этой же улице Победы.

Савичев Виктор Иванович (17.08.1948 – 02.04. 2004)

Савичев Виктор Иванович, его дом, инструмент - лобзик

Виктор Иванович родился и проживал в Атиге. Закончил школу, пошёл на Атигский завод слесарем – инструментальщиком. Затем служба в рядах Советской армии. Потом снова – завод. В это время увлекся выжиганием по дереву. Вначале выжигал мелкие поделки, украшал разделочные доски, полки для книг, мелкие шкатулки. Затем его заинтересовала отделка домов. Опыт перенял у Савичева Алексея Васильевича. Вырезал узоры лобзиком. Красивым орнаментом украсил не только свой дом, но и отреставрировал наличники на старом известном доме купца Трифонова.

Дом купца Трифонова в Атиге до реставрации и после

Вместе с ним выполняли эту работу Данилов Геннадий Александрович и Макеев Григорий Васильевич – тоже известные мастера – отделочники в Атиге.

Данилов Геннадий Александрович и Макеев Григорий Васильевич

А в 1985 году Виктор Иванович вместе с Даниловым Геннадием Александровичем и Макеевым Григорием Васильевичем занимались реставрацией резной отделки фасада дома - музея в Нижних Сергах.

Фасад дома – музея в г. Нижние Серги Свердловской области

На улице Ленина есть дом, где на наличниках «выросли» цветы. Это дом Рогожиных. Смастерил такую красоту Кулаков Владимир Васильевич (1957 г.р.)

Кулаков Владимир Васильевич, изделия мастера, инструмент «Струна»

Владимир Васильевич живет в Атиге. Он – бывший военный. Закончил Пермское авиационное училище. Служил в Польше, на Дальнем Востоке, Украине. Майор военно – воздушных сил, авиатехник. Осуществлял ремонт самолетов. В 90 –е годы вышел на пенсию и увлёкся резьбой по дереву. Изготавливал предметы быта: детскую мебель, рамы на зеркалах, стулья и др. Особое внимание уделялось наличникам на окна. Все украшалось красивой резьбой, которая выполнена самодельным инструментом «Струна». Красивый узор переводится с шаблона на доску и выжигается раскалённой тонкой, как нить, проволокой. Ненужные детали обжигаются и отпадают. Остаются те, которые были на шаблоне. Работа достаточно проста, если делать умелыми руками. Изделия Кулакова пользовались большим спросом. Их покупали, делали заказы жители не только из Атига, но и Нижних Серег. Сейчас Владимир Васильевич увлекся изготовлением садовой мебели. Но и старое дело не забывает.

Наличники на окнах домов в Атиге и г. Нижние Серги, изготовленные В.В. Кулаковым

Есть и умелые мастера в Нижних Сергах. Один из них – Еремеев Андрей Александрович.

Еремеев Андрей Александрович

Проживает по улице Володарского, 19. Творчеством занялся в 90 –ые годы и занимается до сих пор. Делает в основном для себя. Вырезает разные поделки, шкафчики, шкатулки и другое. В его доме всё украшено деревянной резьбой. Вырезает лобзиком, опыт перенял от отца – Еремеева Александра Павловича. Работает на Нижнесергинском металлургическом заводе в энергоцехе машинистом насосной установки.

В доме Еремеева Андрея Александровича все сделано своими руками, лобзик

Он считает, что «резьба по дереву – древнейшее человеческое ремесло. И сегодня оно не теряет свою притягательность, пробуждая фантазию, позволяя реализовать творческий потенциал. Так и создаются уникальные архитектурные шедевры».

Действительно, работа этих мастеров уникальна. Их изделия вызывают восторг и восхищение. В Атиге я живу уже семь лет. Но каждый раз, когда прохожу или еду мимо домов, похожих на сказочные терема, не могу отвести глаз, как будто вижу впервые. И с гордостью отмечаю, что возникли они не по взмаху волшебной палочки сказочной феи, а созданы обычными людьми с очень умелыми руками. И некоторых из них я знаю.